

Ольга
Гусейнова

ПЕПЕЛ
НА ВЕТРУ

Ольга Гусейнова

Пепел на ветру

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гусейнова О. В.

Пепел на ветру / О. В. Гусейнова — «Автор», 2018

ISBN 978-5-17-109316-7

Представьте, что в один миг ваш мир перевернулся. А привычная жизнь вам больше недоступна. Как выжить девушке одной, в мертвом городе? Как не сойти с ума от страха, когда от тех, кто еще недавно жил и дышал, остался лишь пепел? Как справиться с теми, кто провозгласил себя хозяевами города? И как довериться тому, кого совсем не знаешь, но к кому с первой встречи так тянется сердце?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109316-7

© Гусейнова О. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ольга Гусейнова

Пепел на ветру

Серия «Другие Миры»

© О. Гусейнова, 2018

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Часть первая

*10 декабря 5013 года с начала исчисления
Черного столетия*

Заложив руки за спину, я стояла и смотрела в огромное, во всю стену окно в своем кабинете нового офиса компании. В душе росла странная, непонятная тревога, которая заставляла внутренности неприятно сжиматься, а руки – дрожать. Все личные кабинеты управляющего персонала нашей компании, занимающейся производством продуктов питания и владеющей аграрно-животноводческим комплексом, располагались на десятом этаже. В не столь крупном, как столица, городе Тюбрине это самое высокое здание. Хотя меня и такая высота угнетала, словно во мне не четверть звериной крови, а все сто процентов.

Яркий солнечный свет заставлял слегка щурить глаза. Я тяжело вздохнула, медленно скользя взглядом по разноцветным крышам домов, расположенных внизу. Разделение по расовому признаку соблюдалось даже в провинциальном Тюбрине, подпитывая и подчеркивая различия жителей Земли. Маги старались селиться в своих кварталах и крыши красили в зеленый цвет, а оборотни и хавшики жили в районах с коричневыми и синими крышами.

Из курса геополитической истории развития Земли, который нам преподавали в университете города Гавра, где я семь лет назад училась на экономическом факультете, следует: такое разделение было не всегда. Ученые доказали, что несколько тысячелетий назад строение поверхности Земли было другое. Было не два, а три огромных континента, которые населяли три различные расы, но с одним базовым набором генов, хотя имеющие некоторые различия. Уникальные пути развития рас определялись своеобразием природных и погодных условий.

Помню, лектор по расоведению нам тогда говорил:

– «Запомните, на холодном, но с богатой флорой и фауной Евро развитие разумных пошло по двойственному пути, создав полиморфов. Так их называют наши ученые, а в народе просто говорят – оборотни. Потому что эта раса имеет две формы: человеческую и звериную. Полиморфы или оборотни в своем социуме делятся на разные уровни, и такая градация обусловлена видами животных, в которые эти существа оборачиваются и перенимают в связи с этим часть их характеристик».

Хвала силе, таких видов немного, но ошибаться с их определением наш педагог (уже по ОБЖ) настойчиво не советовал. Одно дело обидеть кого-нибудь из кошачьих и совсем другое – задеть волка или, не дай бог, сура. Последние, на счастье, попадались слишком редко.

Полиморфы обладают силой и умом, но магия не поддается им или не используется. Наверное, потому что находится внутри них самих. Зато эта самая магия способствует более длительному жизненному циклу, чем у остальных рас.

– Полиморфы в большинстве своем доживают до трехсот лет и лишь с приближением к последнему рубежу жизни начинают стареть, знакомясь с такими явлениями как седина, больные суставы и маразм, – с улыбкой рассказывал преподаватель. И мне вспоминается, в его голосе в тот момент звучала зависть.

На втором континенте, Амеросе, который был слишком жарким из-за расположения на экваторе, обитают хавшики. Их можно было бы назвать полноценными людьми, если бы не чешуйчатая кожа, которая защищала от жгучего солнца, и низкая температура тела. Более того, все хавшики – гермафродиты, хотя именно это способствует развитию на их континенте вполне гармоничного социального общества...

Города хавшиков располагаются под землей. Их обитатели не имеют второй сущности, как полиморфы, не владеют магией, но власть любят безмерно. Стремление лишь к внешней гармонии позволяет им плести интриги и вести многоходовые игры, чтобы урвать крупницы

власти у соседей или сородичей. Такой своеобразный культ изначально формирует в сознании любого малолетнего хавшика потребность всегда и во всем быть первым и наверху. Но отрицательное отношение к физическому насилию сглаживает все острые вопросы и социальные проблемы в их обществе.

Хавшики, так же как и полиморфы, доживают до трехсот лет, но их старение сопровождается не поседением, а шелушением чешуи, которая со временем становится белесой, словно седина у людей, и практически бесцветной.

Третий континент, Азес стал прародителем магов. Слишком изменчивый климат заставлял искать пути управления погодой, буйная растительность – работать с землей, богатая фауна – защищаться и выживать. На Азесе человечество пошло по пути расширения своих внутренних возможностей и развития способностей воздействовать на энергетические потоки.

Лекции по магам у нас проводились очень подробные, и на них лектор старался представить как можно больше информации.

Маги тоже разделяются на два вида: люди, которые способны лишь чувствовать магию, но не управлять потоками, и истинные маги, сильные или слабые, но имеющие как способности, так и возможности управлять энергией Земли. Обычные люди, к их вящему неудовольствию и зависти к остальным, доживали лишь до ста пятидесяти лет, слабые маги могли дожить и до двухсот. Средний уровень добавлял еще пятьдесят, и только сильный маг радовался жизни и отодвигал свою старость до трехсот лет.

Долгое время представители трех ветвей землян лишь в силу необходимости сталкивались друг с другом, изучая другие расы, словно врагов. Осуществляя внешнеполитическую и торгово-экономическую деятельность, представители разных народов никогда не смешивались, скрыто презирали друг друга в то же время опасались. Полиморфы – самые сильные и умные, хавшики – слабые, но коварные и хитрые. Маги физически слабее полиморфов, но сильнее благодаря своей магии, что способствовало некоторому возвышению их над остальными расами и рождению внутренних и внешних конфликтов на почве зависти и гордыни.

Пять тысяч лет назад катастрофа планетарного масштаба изменила лицо Земли и весь уклад жизни трех рас. Комета Адос, упавшая на Амерос, спровоцировала тектонический сдвиг и волну мощных землетрясений, вследствие чего часть материка ушла под воду, оставив лишь половину континента на поверхности, и заодно уничтожила большую часть населения хавшиков.

В то же время Евро и Азес соединились, правда, часть их территорий и тысячи жизней тоже поглотил океан. Спустя столетие, названное позже Черным, Земля восстановилась от потрясений и глобальной катастрофы, а разумным удалось выжить, приспособиться к новым условиям существования и создать новые связи и образ жизни. Полиморфы объединялись с магами, но жить дружно так и не научились, хоть и образовывали общие государства со смешанным управлением.

Уже третье тысячелетие идет незримая война за первенство в управлении, власти и за расовое превосходство. Браки между этими расами случались крайне редко и, скорее, по инициативе полиморфов, чем по желанию магов. Маги боятся силы оборотней, а те не могут спокойно переносить преимущество магов, которое заключается лишь во владении магией.

Хавшики, которые с огромным трудом перенесли ту трагедию, очень медленно возвращались из забвения. Неистребимая любовь к власти и первенству во всем толкала их на самые опасные авантюры и вовлекала в глобальные геополитические игры с магами и полиморфами. Вот так и получилось, к концу пятого тысячелетия с начала Черного столетия, пока обычный народ большей частью жил своими насущными проблемами, верхушка больше строила козни и играла в страшные игры. Теперь простые люди лишь из новостей могли догадываться, что происходит на самом деле, и стараться прочесть между строк, кто в этот раз ведет в счете.

Уже довольно долго выигрывали маги и полиморфы, загоняя хавшиков в угол и обыгрывая их на всех незримых и неафишируемых фронтах, но так долго продолжаться не могло.

Я вынырнула из своих мыслей, услышав осторожный стук в дверь моего кабинета. Повернулась вполоборота и взглянула на симпатичную девушку из полиморфов – мою секретаршу Валу.

– Кира Юрьевна, у вас совещание через пять минут. Савелий Павлович собирает весь руководящий состав.

– Спасибо, Валя, я уже иду, – коротко кивнула девушке, проследив, как она скрылась за дверью, а потом еще раз устало вздохнула.

Внутри все по-прежнему дрожало от ощущения надвигающейся беды. А меня предчувствия никогда не обманывали, более того, к ним прислушивались. Сил на полноценное ясновидение у меня не хватает, но хорошо чувствовать события еще не состоявшегося будущего я могу. Спасибо родителям.

От папы мне досталась магия земли чуть ниже среднего уровня, а от мамы – бытовая магия выше среднего уровня и это самое предчувствие. Моя бабушка с маминой стороны была ясновидящей, но она погибла при странных обстоятельствах вместе со своим мужем и моим дедушкой-полиморфом. Как сообщила полиция, на них напали грабители, но я слышала, как мама потом долго говорила папе по ночам, когда думала, их никто не слышал, что это заказное убийство. Мой дед был известным политиком в Гавре, и многих магов не устраивало, что полиморф женился на магиане, да еще занял столь высокий пост.

Вместе с тревожными мыслями пришло стойкое желание позвонить родителям. Они сейчас отдыхали, путешествуя на огромном лайнере по Тихому океану. Мысленно встряхнулась и, поправив тяжелый узел волос на затылке, пошла на совещание.

В нашей компании «Агропиштех» работали преимущественно маги, полиморфов было не больше десяти процентов, и все – женщины самых слабых видов. Вот и моя секретарша – оборотень-лиса.

Женщины-полиморфы очень сексуальны, поэтому пользуются большим успехом у магов-мужчин к обоюдному удовольствию и личной пользе. А вот мужчины-оборотни отличаются мрачным, нелюдимым характером, они весьма подозрительны и тщательно отбирают близкое окружение. И чем сильнее вид полиморфа, тем более замкнутый, настороженный и злой у него нрав.

Как-то я слышала мнение одной журналистки о реалиях нашего мира:

– Нужно отметить, что в нашем обществе компании, принадлежащие оборотням, построены по принципу доминирования, и крайне редко в них присутствуют маги, но эти фирмы без предрассудков принимают на работу женщин-магов. Мужчин-полиморфов притягивает их физическая слабость, которая рождает в них внутренний инстинкт защитника или охотника – смотря кому из магиан как повезет. Если уж случилось обратить на себя внимание оборотня, то тут два варианта развития событий. Встретила защитника – можешь вздохнуть спокойно, а охотника... лучше сразу обратиться в полицию для защиты и позаботиться о судебном постановлении о неприкосновенности и запрете сексуальных домогательств.

Примерно через неделю после этого репортажа именно последнее она и сделала.

Мои каблуки-шпильки глухо стучали по паркету коридора, пока я направлялась на совещание начальников отделов. Мягкий свет играл на полированных деревянных панелях стен, в которых размытым пятном отражалась моя фигура.

Среднего роста стройная шатенка с мягкими округлыми формами, с тяжелой массой волос, скрепленных в узел на затылке. В белоснежной блузке, с голубым шарфиком на шее, черной юбке-карандаш, светлых ажурных колготках и лакированных черных туфлях-лодочках. Я всегда и во всем придерживалась классического стиля, впрочем, как и в поведении. Меня так воспитали – примерной маминой и папиной девочкой. Вырасти-то я выросла, уже вон два-

дцать восемь лет исполнилось, и университет закончила, и давно проживаю самостоятельно, но сформированные стереотипы и правила поведения изжить не смогла. Хоть это и нравилось всем моим близким, но мне доставляло некоторые неудобства.

В кабинете владельца и руководителя нашей компании Савелия Павловича Нелюбина (для своих – Савы) уже сидели восемь начальников различных отделов и, похоже, ждали только меня – начфина. Предполагаю, каждый работник в нашей компании в курсе, что я к тому же являюсь невестой хозяина. Правда, никто не догадывался, почему в этом статусе я пребываю уже два с половиной года, но слухи по-прежнему ходили. Самые разные. И многие верны, хотя я в этом никогда не признаюсь никому.

Сава встал и помог мне сесть на стул, ближайший от его собственного кресла, при этом мимолетно погладив меня по предплечью. Невысокий блондин, всего на три сантиметра выше меня, когда я на каблуках, стройный, очень умный и вполне красивый маг. Я в который раз несколько отстраненно посмотрела на него с искренним восхищением и уважением, но не любовью.

Три года назад он взял меня измором и обаянием, а потом так опутал собой, что я уже не смогла вырваться из его сетей. Он приручил моих родителей, которых я обожала, подружился с моими немногочисленными друзьями, и они теперь ели у него с рук. Предоставил любимую работу и выполнял все прихоти, какие мне приходили в голову. Но вместе с тем он оставался довольно жестким и хладнокровным мужчиной. Знал, чего хотел именно он, и ему было не важно, что при этом думали или чувствовали остальные.

Сава понимал, я не люблю его, и это ему не нравилось и печалило, но... Он любил меня слишком сильно и эгоистично, чтобы позволить уйти от него или потерять, и соответственно своим желаниям планировал мою жизнь и судьбу.

Чего только стоит мое назначение начальником финотдела через полгода после прихода в компанию. Нет, я, конечно, в профессиональном плане далеко не глупая. Но, надо думать, до этой должности мне бы пришлось не одно десятилетие вкалывать, а тут получила все почти сразу и две старые толковые работницы в придачу, чтобы помогать. И попробуй откажись; лично я не смогла. Вот так, стараясь при этом не задевать мое самолюбие или гордость и тщательно обходя острые углы в отношениях, чтобы исключить любой повод разорвать нашу связь, ему все удалось. Остался лишь маленький нюанс – свадьба, но как раз с ней я и тянула до последнего. Привыкла плыть с ним по течению, он заставил меня считать себя обязанной ему во всем, и именно из-за этих, не совсем подходящих к личным отношениям чувств я не делала решительного шага к свободе. И разрывать наши отношения тоже пока не хотела: Савелий меня устраивал как друг, начальник и любовник, и его ко мне отношение тоже вполне устраивало.

Где-то глубоко внутри меня тлел уголек раздражения и желания изменить сложившуюся ситуацию, разорвать этот порочный круг, который затягивает меня словно в болото. Но были родители, которые уже любили Саву. Были друзья, которым он нравился. Был, наконец, весь мой быт, в который он идеально вписался. Все это отодвигало разрыв наших отношений, и я продолжала плыть по течению.

Сава отдернул полы дорогого италийского костюма, сверкнув при этом массивным перстнем с бриллиантом, поправил галстук и сел за стол, бросив на меня внимательный теплый взгляд, а я с удивлением отметила работающий телевизор, висевший на стене сбоку от него. Обычно Сава раздражался от любого фактора, отвлекающего от него внимание.

– Раз все в сборе, давайте займемся нашими делами. Нам поступил большой правительственный заказ на поставку продовольствия длительного хранения. Как мне намекнули, для обновления резервного фонда, в связи с тем, что сроки годности истекли...

– Насколько я знаю, государственный заказ всегда выполняют только крупные монополисты, почему на этот раз выбрали нас? Да и справимся ли мы с такими объемами?

Начальник экономического отдела, старая магиана Вера Борисовна говорила ворчливо и с легким недоумением в голосе. Поправила короткие волосы, в которых, несмотря на ухищрения и магов-парикмахеров, уже виднелось много седых волос. Лицо у нее было еще молодое, но с ее низким уровнем магических способностей она старела быстрее, нежели хотела. И, дожив до среднего прожиточного возраста магов в двести лет, будет выглядеть, скорее всего, дряхлой старухой.

Еще один источник зависти магов к полиморфам. Те не старели, лишь матерели или, в случае с женщинами, приобретали все большую женственность и сексуальность, а потом буквально за десяток лет до естественной смерти знакомились со старостью.

Вере ответил сам Савелий, при этом бросив внимательный взгляд карих глаз на всех остальных, сидящих за столом.

– Так было всегда, но в этот раз они сами вышли на меня... Я не знаю причин, но могу догадываться исходя из некоторой информации и слухов...

– Если мы будем основывать наш бизнес на слухах, то... – Вера Борисовна замолчала, стоило Саве прервать ее резким голосом.

– В этот раз все серьезно. Из разных источников я выяснил, что правительство делает закупки в фирмах, подобных нашей, и закупает не только продовольствие... Они не афишируют своих действий и объема заказов, но слухи ползут. Грядет что-то тревожное. И цены начали расти на все...

В этот момент началась новостная заставка, и Савелий быстро включил звук, жестом призвав нас помолчать. Комнату наполнил сильный, хорошо поставленный голос диктора с трагическими нотками:

– Новые столкновения в парламенте между советниками президента Верховина произошли на почве разногласий по поводу такой острой проблемы, как равенство рас. Ничего нового наш корреспондент Малкин не услышал, а парламентарии, как и всегда, неохотно дают интервью или делятся знанием ситуации. Но нашему каналу удалось добыть информацию: все напряжение, которое сейчас царит в парламенте, вызвано странным заявлением хавшиков на саммите большой восьмерки в Альбукерке, где обсуждались основные вопросы геополитики. Пока данное заявление не раскрывается, но, судя по растущему напряжению на общих границах объединенного ЕвроАзеса, что-то явно намечается. И военные ведомства всех двадцати восьми государств ЕвроАзеса начали подтягивать к своим границам регулярные войска. Объединение СМИ ведущей восьмерки уже подало протест в Верховный суд Гааги с требованием снять гриф секретности с подобных заседаний и обнародовать всю информацию. Средства массовой информации других стран и различные организации по правам человека полностью их поддержали. Планируются массовые пикеты и митинги.

Я пришла в шок от таких новостей, а диктор между тем продолжил:

– А теперь поговорим о других новостях. Как сообщили проверенные источники, на островах Сургата, расположенных в нейтральных водах между Амеросом и ЕвроАзесом, два дня назад зафиксирована странная световая вспышка и волновое излучение. Все говорит о том, что там произошел взрыв неизвестного происхождения. На данный момент пока ни одно правительство или террористическая организация не взяли на себя ответственность за это происшествие. Как нам сообщили в пресс-службе ФРС¹, по данному факту начато расследование. Хотя, как мы все знаем, вряд ли это ведомство обнародует потом данные этого самого расследования...

Савелий выключил звук и с хмурым выражением лица повернулся, окидывая нас взглядом, в котором так и читалось: «Ну я же говорил!»

¹ Федеральная разведывательная служба, в ее состав входит и отдел антитеррора, в компетенцию которого как раз и включено предупреждение подобных случаев.

Все одновременно загалдели, а я отстранилась от этого шума; предчувствие во мне уже не дрожало – билось в истерике. И желание позвонить папе с мамой неуклонно росло. Я даже не заметила, как закончилось совещание, и едва услышала, что компания приняла государственный заказ и усиленно начнет его выполнять.

С наших основных складов в Тюбрине уже на следующей неделе начнут отправлять продукцию большими партиями в столицу Москану. И в Гавре, крупном региональном центре, который находится в четырех часах езды от Тюбрина, тоже есть пара наших производств, и они также будут выполнять государственный заказ.

Мы с Савой вышли из здания и направились к машине, водитель которой услужливо распахнул двери в ее теплое кожаное нутро. Я куталась в воротник кашемирового пальто, укрываясь от промозглого декабрьского ветра, но холод все равно проникал под одежду. Услышала трель и, благодарно кивнув Саве, помогающему мне сесть в салон, достала из сумочки телефон. Я еще не успела нажать кнопку приема, как почувствовала, что холод плохого предчувствия резко выстудил все внутри меня. Мягко хлопнула дверь машины; я же, отстраненно наблюдая за быстро обходящим и садящимся в машину Савой, приняла вызов.

– Кира Юрьевна Нехорошева?

– Да! А с кем я разговариваю?

– Кира Юрьевна, у нас для вас печальные новости... Ваши родители Юрий Алексеевич Нехорошев и Амина Руслановна Нехорошева погибли... Они подхватили вирус на Сармате, и тяжело говорить об этом, но вам надлежит приехать в Москану, чтобы забрать их тела для захоронения. Но сначала вам надо будет их опознать, а потом...

Спасительная темнота накрыла меня, защищая от истерики и заставляя умолкнуть мой крик смертельно раненного животного. Темнота оказалась столь милостива, что забрала не только мое сознание, но и невыносимую боль от потери самых близких и родных людей.

* * *

12 декабря

Серые тяжелые облака медленно плыли по небу, скрывая солнце, давя на сознание и усугубляя и так полуобморочное состояние. Я больше ничего не чувствовала, внутри все заледенело, даже душевная боль словно звенела сосулькой. Слезы закончились, и глаза жгло, поэтому я боялась их даже прикрыть, чтобы вновь не увидеть жуткую вчерашнюю картину.

Множество тел в здании военного морга Москаны, который поражал своими размерами и гулкой тишиной. Там, среди мертвых, лежащих на низких кушетках, ходили поникшие, потерянные живые, такие, как мы с Нелюбиным. Хотя Сава сохранял гордую прямую осанку и лишь морщился от жуткого запаха, от которого не спасала даже магия.

Здесь лежали триста восемьдесят бывших пассажиров кругосветного лайнера «Орион», который под охраной транспортировали от острова Сармат. Именно там военные обнаружили этот большой красивый корабль. Он был заполнен мертвыми людьми, впрочем, как и сам остров, на который заходил этот круизный лайнер.

Пропавших не было, все кто находились на борту, скончались от неведомой болезни. Весь остров Сармат, как шептались по углам служебных помещений морга другие родственники туристов с «Ориона», выжгли дотла вместе с погибшими. И только лайнер с его жутким грузом доставили к границам нашей родины Россины для исследования и выяснения причин случившегося.

Пока не было точных и достоверных данных происхождения этого вируса – возник ли он на острове и был перенесен на корабль, или, наоборот, был занесен на остров пассажирами корабля.

Когда я взглянула на своих маму и папу, то поразилась увиденному. Их кожа свисала лохмотьями... Жуткими сухими лохмотьями, а их некогда молодые и здоровые тела с ярко выделяющимися синюшными пятнами пугали невероятной худобой и бесцветностью. Но то, что это мои родители, сомнению не подлежало. Прикасаться к ним запретили, и каждое тело защищал магический прозрачный купол для предупреждения распространения инфекции.

Я благодарила бога и энергию за то, что Сава оказался в этот момент со мной. Случившееся сломало меня и заморозило все эмоции и чувства. Мне повезло, что мой жених взял все заботы на себя, организовав оформление и кремацию. По требованию АНБ² похороны были на местном кладбище, так как даже прах запретили вывозить, и Сава водил меня все это время за руку.

Стук замерзших комьев земли по крышкам металлических урн с прахом, которые закапывали одновременно, вызывал ощущение, словно меня бьют, и каждый ком – сильный удар под дых.

Я вздрагивала от этих жутких бум-бум-бум, но лишь пара слезинок сползла по щекам мокрыми дорожками. Теплые объятия Савелия укрыли от промозглого ветра, от хмурых лиц людей со слабым даром магов, что явно не от хорошей жизни трудились на военном кладбище гробовщиками, от тягостного вида огромного поля с невысокими каменными безликими табличками, на которых часто, кроме личного кода, даже инициалов не было. Невдалеке от нас с Савелием и представителем коронерской службы, который обязан был зафиксировать факт захоронения опасного содержимого урны, стояли родственники других погибших с «Ориона».

Их было много, таких же, как мы: кто-то стenal, стоя на коленях на холодной земле, кто-то застыл, как и я, просто безмолвными статуями и смотрел в небо, кто-то с равнодушной миной на лице, вынужденный тут находиться, ждал, когда уже можно будет уйти – все воспринимали эту трагедию по-своему.

Я же ничего не чувствовала, все внутри меня словно замерзло на стылом декабрьском ветру, который медленно гнал серые тяжелые тучи по такому же безрадостному небу.

В аэропорт мы ехали в полном молчании. Водитель, предварительно тихо спросив разрешения у Савы, включил новостной канал на радио. И салон автомобиля заполнил резкий голос диктора:

– ...по последним данным стало известно: все, кто находился на этом корабле, погибли. Причиной гибели пассажиров и экипажа туристического лайнера «Орион» стал новый, неизвестный ученым вирус. Как нам сообщили хорошо информированные люди, весь остров Сармат был подвергнут обработке огнем. Лекарств или вакцины от данного вируса пока не существует, но ведется следствие. Наши аналитики смогли провести параллель между взрывом на Сургатских островах и массовой гибелью возле Сармата, который, как вам всем известно, находится довольно близко к островам, и здесь явно имеется связь.

Водитель бросил тревожный взгляд на меня в зеркало заднего вида и переключил канал.

– Министр иностранных дел Иван Лавкин в срочном порядке вылетел в Бинидос на совещание межправительственной комиссии по факту взрыва на Сургатских островах вблизи границ ЕвроАзеса. В высших кругах власти предполагают, данное событие явно не прошло без участия хавшиков. Снова встает вопрос о содержании заявления, сделанного этими чешуйчатыми на саммите большой восьмерки. Почему его тут же засекретили? Мы требуем от властей...

Тишина воцарилась в салоне, а водитель смущенно старался не смотреть в зеркало и наблюдал за дорогой, крепко сжимая руль магмобиля.

Самое смешное, что оборотни предпочитали ездить именно на магмашинах, которые работали от аккумулятора, требующего лишь магической подзарядки или просто периодиче-

² Агентство национальной безопасности.

ской смены стандартного энергетического накопителя. Они сквозь пальцы смотрели на факт использования магии в своих машинах, их даже зависимость от магов не смущала. Это была разработка для полиморфов, а вот сами маги пошли по пути технического прогресса, используя для автомобилей бензиновые двигатели, что увеличивало их мощность и скоростные характеристики. Им было неважно, что выхлопные газы наносили вред окружающей среде и в первую очередь жителям планеты, не говоря уже об истощении природных ресурсов.

Но в связи с тем, что многие силовые ведомства возглавлялись полиморфами, то и машины закупались соответственно их желаниям и потребностям. Вот и сейчас мы ехали на маг-мобиле, а водитель – оборотень, скорее всего, кто-то из кошачьих.

Нас привезли в аэропорт и помогли быстро пройти регистрацию. Весь полет я сидела с закрытыми глазами и была рада, что темнота под веками была лишь темнотой.

Тюбрин встретил морозом и снегопадом, снежинки кружились, оседали на любых поверхностях, образуя пышные сугробы или расписные белые узоры на окнах. Мое сердце уже сроднилось с болью, а внутри царило безразличие ко всему.

Я отказалась переехать к Саве, который под предлогом заботы попытался полностью прибрать меня к рукам. И хотя чувствовала себя полнейшей эгоисткой, но и полностью избавиться сейчас от него не могла – полного одиночества мне не выдержать. Савелий – та ниточка, которая все еще связывает меня с родителями, ведь они его по-своему любили.

Три дня я бродила по родительской квартире, словно сомнамбула, не в состоянии спать, есть и даже думать. Все убрала, а потом просто лежала, тупо глядя в потолок. Слез уже не было. Но моя жизнь продолжается, и придется научиться жить без любимых людей, а они один за другим почему-то покидают меня, уходя в другой, я надеюсь, более радостный мир.

* * *

30 декабря

Двигатель «кешара» работал с приглушенным урчанием, создавая уют в теплом салоне магмобиля. Еще два года назад я купила его в кредит, и, хотя Сава настойчиво предлагал мне в подарок более дорогую машину на бензиновом двигателе, я любила своего Кешу и наотрез отказалась. Я ехала в Васино, где меня уже ждал Савелий. С момента нашего возвращения прошла пара недель, и я потихоньку оттаивала.

Три года назад Сава купил себе участок земли в Васине – очень красивом месте на берегу реки Васинки. А после того как мы перешли на более близкие отношения, он уговорил и меня купить участок по соседству с ним, приведя очень веский аргумент:

– Когда ты выйдешь за меня замуж, то на этом участке в доме, который мы построим, будут жить твои родители. Ведь им на старости лет будет гораздо приятнее и комфортнее проживать на природе, а не в городе с его душным воздухом от выхлопных газов.

Я же в тот момент рассчитала экономическую выгоду от этой покупки, поэтому и согласилась.

Две недели назад, вернувшись домой в Тюбрин, Сава начал усиленно заниматься кучей дел, при этом не забывая и обо мне. Он жестко контролировал ход выполнения госзаказа, зачем-то нагнал рабочих в Васино и принялся в ускоренном темпе заканчивать строительство наших домов. При этом еще и переделкой уже выполненных работ занялся и сейчас хотел мне показать, что сделал.

Мы с Кешей буквально летели по асфальтированной дороге, ведущей от Тюбрина в сторону Васина. Несколько километров, отделяющие это красивое место от города, дарили приятное уединение и покой, но в то же время позволяли быстро оказаться среди городской суеты.

Свернула на гравийку и поехала по дороге, петляющей между деревянными домами. В Васине постоянно жили только маги и либо те, кто обладал слабым магическим даром, либо те, кто лишь чувствовал магию. Все они работали на фермах, принадлежащих компании «Агро-пищтех», или сами являлись фермерами.

И только пять лет назад, когда здесь организовали одноименный жилищный кооператив, эта деревушка превратилась в элитный поселок, правда, с жестко ограниченным количеством участников застройки. Многие богатые жители нашего города хотели уединенности, покоя и защищенности. Именно по этой причине местечко не афишировали, а участки продавались только с согласия всех членов кооператива.

Дома остались позади, а я ехала между снежными сугробами, в искрящейся белизне которых отражались солнечные лучи, заставляя шуриться.

Вот и территория кооператива. Это череда разграниченных участков с высокими заборами. Хотя пока из тридцати предполагаемых домов построены лишь десять, и три из них еще не закончены. Так что пока только семь домов радуют взгляд добротностью и дымком из труб над крышами, а вокруг расстилается только снежная гладь и стоит умиротворяющая тишина.

Заехав в ворота собственного дома, отправилась на поиски жениха, попутно здороваясь с отделочниками и электриками. Еще позавчера Сава осторожно рассказал о своих намерениях в отношении переделок в наших домах. Во-первых, он установил котел на дровах для обогрева дома. На вопрос: «Зачем эту грязь разводить?» – мне туманно пояснили: всякое в жизни может случиться, и нужно быть готовым к тому, что отключат электричество.

Еще большее удивление вызвало появление во дворе индивидуального водозабора. А еще год назад он сам лично отмахнулся от этого простого варианта, предложенного прорабом, мотивируя это архаичностью и трудоемкостью. Еще он вырыл погреба размером с один из наших небольших складов; объясняя, поморщился и коротко предположил: это для возможных развлечений. Отметив мой скептический взгляд, больше ничего не добавил. Сава всегда отличался вдумчивым подходом к любому делу, но дополнялось это мнительностью и излишним паникерством. А вдруг, а если... Вот как сейчас это происходит.

Пока шла по своему большому участку в сторону калитки в заборе, разделяющем наши земли, в шоке наблюдала, как строители надстраивают кирпичные заборы по внешнему периметру, превращая территории двух дворов в неприступную крепость. Более того, этот паникер зачем-то еще и лестницу пристроил и площадку, чтобы можно было, не выходя за ворота, посмотреть, что снаружи происходит.

Я прошла по дорожке из плиток до одной из новеньких каменных построек, правда, непонятного назначения, и увидела внутри Саву с двумя мужиками. А уже через минуту вообще в шоке застыла: слабый менталист Савелий сейчас вполне неслабо стирал информацию из памяти строителей. Он отвлекся всего на мгновение, увидев меня, но закончил с мужчинами и коротко приказал все еще находящимся под действием заклинания ждать его в доме.

Я напряглась, уставившись на него, как кролик на удава. Савелий же, проводив взглядом рабочих, наконец посмотрел на меня. Сделав пару шагов, сократил расстояние между нами и хрипловато прошептал, выдыхая облачка пара на морозе:

– Прости, детка, что тебе пришлось это видеть, но я не хочу, чтобы по городу ходили слухи обо мне и моем доме. А главное, о его содержимом...

Он попытался привлечь меня к своей груди, но я уперлась ладонью в мягкое кашемировое пальто и слегка оттолкнула его. После того, как вернулась из Москаны, я больше не могла без содрогания переносить его прикосновения. Сава смерил меня прищуренным взглядом, но отпустил. И мне очень не понравился холодный, недовольный и расчетливый огонек, который вспыхнул в его глазах.

– Прости, я пока не могу... это не из-за тебя... Это просто стресс и...

Он расслабился, мягко улыбнулся, но тот огонек, который зажегся в его глазах, не потух, и это меня встревожило. Савелий относится к тем магам-мужчинам, которые ради достижения своей цели и исполнения желаний готовы пойти на многое, и вполне возможно – на все. Тревожный звоночек предчувствия начал потренькивать, заставляя подумать о дальнейших наших отношениях.

Неожиданно мне пришла в голову мысль, что, вполне возможно, лучше прекратить их сейчас, чем когда будет совсем поздно. Но мужчина уже отвернулся и, подхватив меня под локоток, потащил внутрь помещения. К моему удивлению, он отодвинул пластиковую панель, выглядевшую как обычная каменная стена; за ней обнаружился кодовый замок. Набрав шифр, тут же неосознанно отложившийся в моей памяти, он активировал открытие. Большая часть стены медленно отъехала в сторону, продемонстрировав содержимое странного сейфа. Здесь хранилось оружие, причем в большом количестве!

И хотя Сава числился коллекционером различного оружия, состоящего на учете в полиции, но тут его гораздо больше, чем официально зарегистрировано, без сомнения. Я прочистила горло и прошептала:

– Ты маленькую войну затеять хочешь?

Он довольно хмыкнул, потом под моим немигающим взглядом погладил меня по щеке и выдал:

– Кир, слухи доходят разные... Но от таких людей, что не верить им – значит, заранее обрекать себя на проигрыш... жизни. Не только наше, но и соседние государства делают закупки продуктов питания длительного хранения. Вопрос: зачем им всем это? Далее закупают оружие, промышленные товары, проводят рекогносцировку армейских частей, причем как внешних, так и внутренних войск. О чем это может говорить, как думаешь? Мне сказали, ходит слух, если его можно так назвать, что хавшики намерены начать полномасштабную войну за передел сфер влияния и территорий. И заявление в Альбукерке, которое они сделали, именно об этом... Три дня назад мне позвонил двоюродный брат, который живет в Бинидосе. Так вот, там происходят волнения, потому что в прессу просочились некоторые сведения, которые обсуждались на комиссии по межрасовым отношениям. Оказывается, началась грызня между нашими магами и полиморфами за сферы влияния, и всё из-за хавшиков. А теперь – я знаю, как тебе будет больно, но на «Орионе», где отдыхали твои родители, была конференция магов, и все они погибли... За сутки, Кир, понимаешь? А вот из полиморфов-военных, которые обследовали корабль, не заболел ни один; теперь ты понимаешь, куда я клоню?

Я побелела и хрипло спросила:

– Ты считаешь, будет война? – Потом помотала головой и сама же жестко ответила: – Ты параноик, Савелий! Вполне возможно, это все домыслы и цепь трагических случайностей. Маги слабее полиморфов, и тебе это известно. Я лишь на четверть полиморф и то крайне редко болела, а на истинных оборотнях все быстро заживает, и ко многим нашим болезням они невосприимчивы. Хотя им и своих вполне хватает. И поэтому не заразились... там. Тем более уверена, военные, вполне возможно, могли скрыть свои потери, чтобы еще больше не нагнетать жути и страха... или паники, как ты сейчас. И главное, моя мама полукровка, но она лежит там вместе с папой. Значит, ты ошибаешься.

– Ну да, детка! – презрительно скривившись, ответил Сава, закрыл хранилище с оружием, и, скрывая тайник, задвинул стенку обратно.

– Ты можешь успокаивать себя как хочешь, а мне надо о семье заботиться...

– О какой семье? – я разозлилась, и меня понесло.

Сава же медленно повернулся в мою сторону и пристально посмотрел мне в глаза:

– О тебе и будущих детях! Наших с тобой детях!

Я отшатнулась от него, заметив, с какой злостью он уставился на меня. Моя магия предчувствия и недоразвитое ясновидение полностью исключали возможность ментального воз-

действия, и, судя по всему, Савелия это бесило. Я не сомневалась: если бы он мог, воспользовался бы этим и внушил мне глубокие чувства к своей персоне.

– Прости, Сав, но к семье и детям я пока не готова. Я вообще сомневаюсь, что наши отношения нужны мне в том виде, как ты их предполагаешь. Я не люблю тебя, и ты об этом прекрасно знаешь...

– Замолчи, Кира! Я люблю тебя, и мне этого достаточно. Я хочу, чтобы ты была моей и только моей. Остальное придет со временем...

– Нет! Со временем любовь не придет. Ты для меня больше друг, чем любимый мужчина. Я уважаю и ценю тебя, но мне... я... Я больше не могу скрывать и от тебя, и от себя, что теперь даже не хочу тебя. После случившегося с родителями во мне что-то изменилось, и на полумеры я больше не согласна. Нам нужно...

Он схватил меня за грудки, одной рукой притянул к себе и начал бить по лицу. Его перекосило от злобы и отчаяния. Несколько раз ударил, потряс словно грушу, а потом притянул к себе мое окровавленное лицо, впиваясь в разбитые губы жестким поцелуем собственника. Я двинула ему между ног коленом, заставляя сложиться пополам. А потом, пуская кровавые пузыри, прошипела:

– Не смей ко мне больше прикасаться! Нас больше ничего не связывает, я прощу тебе ЭТО только по одной причине. Ты стоял тогда, там, со мной, и я благодарна тебе за это.

Резко развернулась, пошатнувшись от того, что закружилась голова, даже узел волос рассыпался волной по спине, и двинулась к выходу. Хриплый резкий окрик Савелия заставил притормозить:

– Прости, прости меня, Кир! Я люблю тебя, я не хотел, но ты вынудила меня... прости.

Грустно хмыкнула, скорее над собой, чем над ним, и холодно ответила, сплевывая кровь на бетонный пол:

– Завтра мое заявление об уходе будет у тебя на столе! И запомни, Савелий: когда любят, по морде не бьют...

– Кир, я не приму твоего заявления. Я понимаю твое состояние из-за трагедии. И я погорячился. Хочешь взять передышку в отношениях – хорошо, я согласен. Но давай не будем все делать сгоряча. Как финансист ты меня вполне устраиваешь, давай пока останемся хотя бы друзьями?

Внимательно посмотрела в его расстроенное и печальное лицо с тонкими чертами, затем согласно кивнула. Но перед тем как уйти, добавила:

– Савелий, подумай до понедельника о моем заявлении об уходе. Потому что я тебе могу точно сказать: больше НАС нет и никогда не будет. Ни один мужчина, поднявший на меня руку, не будет МОИМ мужчиной. Поэтому думай!

В спину мне донесся печальный смешок и последняя фраза Савы:

– Я уже подумал! Жизнь все расставит по своим местам...

Пока шла к машине, стараясь как можно быстрее уйти отсюда, неожиданно столкнулась с Михалычем. Это его так все уважительно называют, а на самом деле у старого хавшика, как и у представителей всей его расы, нет отчества.

Внешность Михаила Саппера типичная для всех хавшиков: сероватая, неровная от старости и морщин чешуйчатая кожа, глубоко посаженные, всегда влажные, словно слезящиеся, карие глаза, и сам он невысокий и жилистый. Хоть магией и силой полиморфов он не обладает, да и представителей его расы не жалуют, но Михалыча уважают все. К его мнению прислушиваются, советуются. Животных он любит как родных, и те платят ему тем же.

Раньше Михалыч работал техником в небольшом животноводческом хозяйстве, а три года назад Сава назначил его руководителем основной в «Агропищтехе» фермы. Но хавшик по старой привычке и среди техников подвизался, обучая молодых специалистов и присматривая за процессом.

Ферма, как и главные здания агрокомплекса нашей компании, располагалась через поле от Васина. По этой причине еще три года назад я познакомилась с Михалычем, и мы подружились.

Отметив мое кошмарное состояние – лицо в крови, разбитые губы и нос, – он потемнел лицом и нахмурился. Затем выдал, заметив появившегося в дверях Савелия в растрепанных чувствах:

– Похоже, ты решила расставить все точки по местам?! Я, конечно, подозревал о его нелегком характере, но такое...

Махнула рукой и прогундосила:

– Сама виновата! Надо было не заходить так далеко, а я все не решалась... – Резко замолчала, осознав, что и кому говорю. А главное, все это неправильно, некрасиво и... больно. Не только сердцу, но и разбитому носу. – Простите, мне надо домой.

Платком прикрыла нос и быстрее рванула к машине. Не хочу и не могу с кем-либо сейчас общаться, да и видеть тоже никого не хочется. И противно так, аж до самой печенки. Я никогда не думала, что со мной может произойти подобное. Чтобы мужчина, с которым делила постель и часть своей жизни, смог поднять на меня руку... как будто меня сейчас не пбили, а в помоях искупали – настолько противно и обидно.

* * *

5 февраля

По дороге из аэропорта я устало наблюдала, как мимо проносятся дома и люди. В салоне внушительного автомобиля представительского класса уютно и просторно, а главное, вся суэта огромного мегаполиса оставалась снаружи. Откинувшись на спинку сиденья, рассеянно следила за происходящим на улицах Москаны, по которым мы проносились, стремясь быстрее попасть в отель, где будет проходить конференция пищевиков со всей России. Там для нас были забронированы два номера.

С того дня перед Новым годом, когда Савелий избил меня, наши отношения перешли на другой уровень. Я старалась избегать любого личного общения с ним, а он всеми силами пытался изменить мое отношение к нему и вновь добиться расположения. Все это выглядело как танцы над пропастью: сделаешь неосторожный шаг – и сорвешься вниз.

Вот и сейчас он осторожно положил свою ладонь на мою руку, лежащую на сиденье автомобиля, а я резко ее отдернула, заставив его тяжело вздохнуть.

После новогодних выходных, которые впервые в жизни проводила в одиночестве, отказавшись от предложений двух своих подруг праздновать с ними, я появилась на работе и сразу пошла к нему в кабинет.

За прошедшие дни я не ответила ни на один его звонок, и двери тоже не открывала, и сейчас настроилась уволиться, как никогда. Но Савелий рассыпался в извинениях и заверил: он не хочет терять сразу и любимую женщину, и первоклассного специалиста по финансам. Чувства отдельно, как говорится, а бизнес отдельно. В этом я как раз не сомневалась: для Савы деньги и его бизнес играют первоочередную роль, а работа в компании меня устраивает, в, честно говоря, страшноато лишиться еще и ее в ситуации, когда нет родителей, а теперь и жениха. Именно по этой причине я согласилась остаться в «Агропищтехе», но напомнила бывшему жениху, что никаких «нас» больше нет и никогда не будет. Хотя про себя отметила: в этом он сомневается и намерен попробовать все наладить.

Сколько подобное положение дел продлится – не знаю, все и так происходит слишком стремительно для такой благополучной девушки, как я. Наверное, подсознательно я хотела

притормозить столь крупные перемены в своей жизни в надежде отсрочить очередные неприятности, а я их приближение, увы, чувствовала.

Мой резкий жест заставил Саву злым голосом попросить водителя включить новостной канал. В итоге уже через мгновение раздался приятный женский голос, который, к сожалению, сообщал не слишком приятные новости.

– ...Гибель большинства приматов на островах Сургата стала очередной серией необъяснимых смертей в той части Тихого океана. Но до нас начали доходить сведения, что странный вирус, который косит приматов, перекинулся на полуостров Тонго, связанный Перминовским перешейком с ЕвроАзесом. Там зафиксированы первые смертельные случаи среди людей. В Бинидосе вновь собралась большая межгосударственная комиссия по вопросу предотвращения распространения неизвестного пока ученым заболевания. Также сообщают, что государство Арабекс, куда входят зараженные территории Тонго, запросило помощи у ВООР³. В Арабекс уже начала поступать гуманитарная помощь, лекарства и стягиваться объединенные войска для предотвращения мародерства и волнений...

Теперь перейдем к другим новостям. Созданная коалиция из представителей правительств ЕвроАзеса выразила правительству хавшиков и всему Амеросу протест. Уже вторую неделю в правительстве идут закрытые для СМИ дебаты о заявлении хавшиков, поступившем еще в декабре. И пока решение по нему и вообще какие-либо разъяснения не были сделаны...

– Выключи! – раздраженный голос Савы выдернул меня из очередной волны дурного предчувствия.

Водитель тут же выполнил его приказ, бросив в зеркало заднего вида настороженный недоуменный взгляд. Еще бы, сейчас все слушают новости и напряженно следят за обстановкой не только в Россине, но и во всех двадцати восьми государствах ЕвроАзеса, а также в более мелких островных государствах в Тихом и Атлантическом океанах.

Нам поступил уже второй правительственный заказ, после чего Сава, не сильно это афишируя, на одном из складов сделал запасы и для нашей компании. Мне пока были непонятны его тревоги, а он больше не распространялся по поводу своих панических версий. Но буквально заставил меня потратить деньги на оборудование и покупку запасных солнечных батарей для автономности наших домов от общих электросетей.

Единственное, он пояснил:

– Это со временем окупится.

Отделка и все мелкие доработки в Васине были уже закончены, и Сава планировал скорый переезд в свой дом.

Убеждал и меня, но я пока была не готова оставить пропитанную теплыми воспоминаниями квартиру своих родителей, в которой выросла. Да и свой дом я решила продать, лишь бы не жить рядом с Савелием. Хоть мне и нравятся и сам дом, и его местоположение. И люди, с которыми за три года я успела подружиться.

С тем же Михалычем мы часто болтали, и я изредка помогала ему своей магией земли высаживать молоденькие деревца. Для меня полезно расходовать часть скопившейся энергии и тренировать свое тело и способности, а для него и фермеров удобно иметь собственного сильного мага земли, который поможет защитить посевы от ветра естественными преградами из деревьев и кустов. Плюс улучшит качество полей, подготовленных для заготовки сена.

Мою дружбу с селянами Савелий не одобрял, считал себя выше их и не желал опускаться со своей вершины до слабых магов или тем более до всего лишь чувствующих магию. Вообще, за последнее время мое уважение и восхищение бывшим женихом значительно уяли и поблекли, хотя у него много и положительных качеств. Но сейчас на поверхность вылезают те, которые раньше либо я не замечала, либо он тщательно прятал и не демонстрировал.

³ Всемирная организация объединенных рас.

Третий день конференции проходил в штатном, но чересчур напряженном режиме. Многие в перерывах выступлений собирались небольшими группками и ожесточенно что-то обсуждали. Слухи и сплетни стремительно разносились среди элиты производителей продуктов. И все они сводились к одному: грядет нечто плохое.

Организаторы, видя подобное, решили устроить перерыв и помочь развеяться участникам. Предложение совершить прогулку по Москане-реке и отобедать на комфортабельном речном корабле было встречено хоть и без горячего энтузиазма, но одобрительно.

Восемьдесят три участника этой конференции, двадцать семь их сопровождающих, а также тридцать семь лиц обслуживающего персонала и четыре устроителя оказались внушительной группой на хоть и большом, но, как выяснилось, тесноватом для такого количества людей лайнере.

Все продолжали общаться группами и компаниями по интересам; Савелий, извинившись, отошел в сторону одной из них, я же, все еще держа в руках бокал с коктейлем, рассматривала народ, который тусовался на верхней застекленной палубе корабля. За бортом привычно для Москаны царила мерзкая погода, «радуя» мокрым снегом, а здесь играла живая музыка, ощущалась оживленная обстановка. Хотя было душновато, но я не спешила снимать свое кашемировое пальто. Дурное предчувствие угнетало неимоверно, вызывая уже тошнотворные спазмы в желудке.

Взглядом наткнулась на мужчину, который, пошатываясь, поднимался по лестнице с нижней палубы. Мне показалось, что он не понимает, где находится, а судя по бледному лицу с красными скулами, ему еще и нездоровится. Возможно, от качки, а может, ему так же дурно, как и мне, от духоты. Развернувшись, я поставила свой недопитый бокал на поднос проходящего мимо официанта и вышла на открытую палубу.

Холодный влажный ветер ударил в лицо, остудив щеки и заставив непроизвольно сделать глубокий вдох. Прошла на корму и, не заостряя внимания на деталях, бездумно смотрела по сторонам. Серые каменные берега набережной, фонари уже горели, разгоняя ранние зимние сумерки, небо заволокли низкие дождевые тучи, ухудшая и так нерадужное настроение. Протянула ладони и, взглянув на свои дрожащие пальцы, спрятала их в карманы. Иметь хорошо развитое предчувствие – это, конечно, здорово, особенно в бизнесе, но вот мучиться от тревоги третий месяц подряд – плохо. Начинаешь чувствовать себя невзрастеничкой. Может, у меня какие настройки сбились?

После смерти родителей я месяц прожила на успокоительных, но быть от них зависимой не хочу. Поэтому уже давно перестала их принимать и даже из своего дома выбросила. Сейчас же гадала, о чем хочет предупредить меня собственный дар на этот раз...

Прогулочный катер, пролетевший слишком близко от нашего кораблика, заставил его резко качнуться на волнах. Не успев вовремя вытащить руки из карманов, чтобы схватиться за поручень, я полетела на палубу. Но пола так и не достигла, оказавшись в руках крупного мужчины.

Квадратное чисто выбритое лицо, тонкие губы и большие прозрачные серые глаза с тонким черным ободком по всей радужке тут же подсказали, что от падения меня спас полиморф. Причем, судя по габаритам, он явно не из кошачьих. Скорее, волк... наверное. Тонкие губы раздвинулись в хищной усмешке, обнажив две пары приличных клыков, а затем раздался его приглушенный рыкающий голос:

– Вы не постр-р-радали, красивая?

А мне вдруг полегчало, и я благодарно улыбнулась ему в ответ, качнув головой. Попыталась оторваться от него, как только меня поставили на пол, но этот оборотень скользнул по моей спине ладонью, как бы успокаивая. Сделал он это без сексуального подтекста, но встревожил своим жестом. Затем глубоко вдохнул, почти незаметно скользнув по моей щеке носом.

– М-м-м, какой приятный аромат. Магиана и полиморф – незабываемое сочетание сладости и пряности.

Я резко отстранилась, испуганно взглянув на мужчину. Не хватало еще на охотника нарваться для полноты ощущений. В большинстве своем полиморфы индифферентны к окружающим и даже женщинам, но если заинтересуются или, не приведи сила, западут на объект своего внимания, то лучше сразу бежать в полицию. И только там выяснять, с кем тебя судьба столкнула: с охотником или с защитником. Инциденты происходили довольно часто, уже давно именно для таких случаев на полиморфов оказывали психологическое воздействие, снимая их ненормальную (в понимании магов, конечно) «охотничью» зависимость, но не всем и не всегда это помогало. Иногда просто не успевали...

Мужчина, заметив, а может, почувствовав мой страх, мягко усмехнулся и показал свою руку, на которой поблескивало брачное кольцо, причем с двойным ободком. Кольцо с таким ободком носил и мой дед после брачной церемонии с бабушкой, и это говорило о многом.

Двойной ободок означает полную и окончательную привязку полиморфа к своей суженой. Другие женщины его не интересуют вообще. Я облегченно выдохнула, а мужчина, заметив это, довольно ощерился и представился:

– Артур Конев! Простите, что заставил поволноваться, но ваш запах чудесен. Этакая смесь магии и животной ауры. Я так понимаю, вы лишь на четверть полиморф, раз в вас столько магии?

– Кира Нехорошева! Приятно познакомиться. Благодарю, что спасли меня от ушибов, а может, и еще чего похуже. И да, вы правы... мой дед Руслан Когтев – волк-полиморф. Думаю, как и вы?

Он как-то по-звериному склонил голову, рассматривая меня и продолжая улыбаться. Затем ответил:

– Вы правы, Кира! Я заметил вас в обществе Савелия Нелюбина, вы его супруга?

Неосознанно поморщилась, но тут же изобразила бесстрастную маску, стоило блондинистым бровям оборотня насмешливо выгнуться, показывая, что моя реакция на заданный им вопрос вызвала веселое удивление. Поэтому я поспешила ответить:

– Нет... уже нет. Просто мы больше подходим друг другу как друзья, нежели как возможные супруги...

В этот момент серые глаза потемнели, выражая настороженность, а я спиной почувствовала знакомую магическую ауру и вся напряглась.

– Милая, что ты тут делаешь в одиночестве?

Конев даже хрюкнул от смеха, впрочем, как и я. Сложно не заметить оборотня, но, видимо, Савелий очень старался... Полиморф с любопытством уставился на Саву, который хотел обнять меня, но на полпути передумал, зная: я буду против.

– Савелий, позволь тебе представить Артура Конева. Наш коллега по цеху, так сказать, а еще господин Конев столь любезен, что не дал мне свалиться на палубу.

– А зачем, позволь поинтересоваться, ты вообще вышла без меня на палубу, одна?

Я в показном недоумении выгнула брови, заставив экс-жениха потемнеть лицом и гневно прищурить глаза. В этот момент раздался голос Артура, который, судя по всему, решил в очередной раз прийти мне на помощь.

– Я слышан о вашей компании, господин Нелюбин, как о сильной и крепко стоящей на ногах. Моя жена из Гавра, но довольно часто ей приходилось бывать в Тюбрине, и ей очень нравится ваш старый спокойный город. В отличие от той же Москаны, где всегда шумно и суета царит вокруг.

Сава быстро взял себя в руки и выдавил улыбку, особенно после того, как услышал о жене полиморфа и заметил кольцо с двойным ободком на руке, которую Артур держал на предплечье, сложив руки крест-накрест на груди.

– Благодарю, господин Конев, о вашей компании я также наслышан и...

В этот момент из стеклянных дверей закрытого от холода помещения вывалился мужчина, которого я видела недавно в очень болезненном состоянии. Сейчас бедолага побледнел до голубоватого оттенка, его магическая аура воспринималась рваным лоскутным одеялом, а еще мне показалось, его кожа чем-то испачкана...

Сава взял меня за локоток, полиморф напрягся, а странный мужчина начал рвать на себе рубашку и стаскивать галстук, будто тот его душил. Он, покачиваясь, шел на подгибающихся ногах, полуприкрыв мутные и невидящие глаза. Судорожно сделав несколько шагов, он добрался до поручня, а потом под визг нескольких женщин и взволнованный вскрик мужчин перевалился через борт и упал в воду. Артур прыгнул за ним не раздумывая; в итоге через несколько минут, благодаря спущенной на воду шлюпке, оба мужчины были подняты наверх.

Вся эта суэта происходила в двух шагах от наших ног, и Сава не смог остаться в стороне – принялся помогать раздевать мужчину, чтобы подоспевший медработник начал делать искусственное дыхание пострадавшему и уже не дышащему мужчине. Артур стоял, широко расставив ноги, с него потоками стекала вода, а великолепный дорогой костюм походил на жалкую мокрую тряпку. Я коснулась его руки и, воспользовавшись своей бытовой магией, полностью высушила одежду оборотня. Тот вежливо и благодарно кивнул мне в ответ, но продолжил напряженно следить за развивающимися событиями.

Через полминуты влажная рубашка на груди спасенного была растегнута, и врач уже хотела приступить к своим обязанностям. Я только успела задуматься над тем, что вид бледной, покрытой влажными белесыми струпьями кожи мне до ужаса что-то напоминает, как Савелий судорожно отдернул от пострадавшего свои руки и буквально отпрыгнул от него в сторону, при этом оттолкнув и докторшу. Она с раздраженным недоумением воззрилась на него и выдохнула:

– Послушайте...

Сава мотнул головой, потом быстро протараторил:

– Вызывайте АНБ. Это заразно, поэтому не прикасайтесь к нему...

– Но я врач, я обязана спасти...

– Этому вы уже ничем не поможете... вероятнее всего.

Молодая женщина-врач – явно оборотень из семейства кошачьих – нахмурилась. Ее рука дрогнула, но коснулась запястья мужчины в попытке нащупать пульс. Судя по ее печальному и хмурому лицу, пульса она не нашла.

Все присутствующие на палубе единой волной отшатнулись от места происшествия. Мне стало жутко, причем по двум причинам. Первая – погибший где-то подхватил тот же вирус, который убил моих родителей. Вторая – на лицах всех присутствующих не было сожаления или печали при виде смерти несчастного молодого мага, у которого, вполне возможно, есть семья, дети. Нет, сейчас лица окружающих выражали страх и омерзение при виде смерти и столь жутких проявлений болезни. Каждый из них теперь боялся за свою жизнь, ведь слухи, сплетни и постоянные новости за последние дни сделали свое черное дело, спровоцировав тревогу, напряжение и даже панику в обществе.

Корабль немедленно развернулся и на всех парах пошел к ближайшей пристани, где, судя по коротким разговорам персонала, нас уже ждали представители АНБ и эпидемиологи инфекционного центра. Весь путь пассажиры с мрачными лицами проделали на открытом воздухе, не решаясь оставаться в зараженном помещении. Сава же стоял рядом со мной, не прикасаясь. Вздрогнул, а потом неожиданно заявил:

– Я же тебе тогда говорил, Кира. А ты мне не верила, паникером обозвала... А я элементарно сопоставил факты. Вот увидишь, это еще не конец, это только начало еще более страшного...

– Не думаю, что вашей спутнице требуется дополнительная доза волнений, – Артур произнес это с нажимом, глядя на Нелюбина; я же обняла себя руками.

Савелий после слов полиморфа вскинулся и ответил ему резким, немного противным голосом, от которого у меня зашевелились волосы в предчувствии.

– А мне плевать, что вы думаете, Конев. Вы же тоже получили госзаказ на продовольствие длительного хранения?! – Заметив потемневший взгляд оборотня, подсказавший нам с Нелюбиным, что он прав, продолжил: – Советую не торопиться с исполнением. А еще лучше позаботьтесь, чтобы и у вас были такие же запасы... на черный день. Если правительство уже даже не стремится сохранить секретность, то это о чем-то говорит... В Бинидосе то же самое и... везде то же самое, а эти политики раскроют все карты, только когда будет уже поздно метаться...

– Послушайте, Нелюбин, о вас говорят как о хитром и умном дельце, но сейчас, мне кажется, вы истерите, на вас чересчур повлияла эта смерть...

– Да мне плевать, Конев, что вы обо мне думаете. – Сава быстро повернулся ко мне и спросил, сверля бешеными глазами: – Кир, скажи ему, прав я или нет. Ведь не зря у тебя уже постоянно руки трясутся от плохого предчувствия.

Он заметил, как я побледнела, но дрожь этого самого злосчастного предчувствия подсказала: он прав. Дар ясновидения проявляется среди магов слишком редко – один человек на миллион, предчувствие – чуть чаще, и его нельзя проигнорировать. Хотя оно такое практически бесполезное, ведь нельзя сказать точно: «Что было? Что будет? Чем сердце успокоится?» Но моего побледневшего лица для Нелюбина оказалось достаточно, впрочем, как и для Конева, превратившегося в мраморную мрачную статую.

– Я так полагаю, вы уже сталкивались с подобными симптомами болезни? – тихо спросил он.

По моим щекам потекли непрошеные слезы, а Савелий устало ответил:

– В начале декабря погибли родители Киры, и у них были слишком похожие симптомы. Дай-то триединый, чтобы я ошибался... – весь его гнев и злость потухли. Как мне показалось, осталось лишь смирение перед судьбой.

Неожиданный толчок дал понять: корабль остановился у пристани. Нас встречало слишком много народу, причем официального, общения с которым хотелось бы избежать любыми путями.

* * *

Всех, кого сняли с того злополучного корабля, разместили по палатам в военном госпитале под патронатом АНБ, причем каждого – в отдельном застекленном боксе.

Врачи, защищенные магическими коконами, записали данные о каждом предполагаемом больном, взяли кучу анализов, а потом, извинившись, сказали: придется подождать ровно сутки. Как нам сообщили, несколько подобных очагов заражения зафиксировано в разных районах Москаны, причем за последние несколько суток. И пока АНБ и центр по контролю за распространением инфекционных заболеваний не может определить конкретный источник. Вот всех и свозят сюда, но самым интересным и тревожным является тот факт, что пока заболевают исключительно маги, особенно слабые или с ничтожным даром, и крайне редко – полукровки.

Все это навевало мрачные мысли и подозрения: я думала о словах Савы, которые могут оказаться верными. Тряхнула гривой каштановых волос, пытаюсь вернуть себе уверенность, но пока ничего не помогало.

– Детка, как ты там? – за бежевыми пластиковыми непрозрачными шторами раздался взволнованный голос Нелюбина.

Отодвинув их в сторону, я уставилась на Саву, который прилип к стеклу, разделяющему наши боксы, и уперся в него двумя ладонями. Немного вытянутое худое лицо чистокровного мага осунулось, а сероватая кожа покрылась бисеринками пота.

Дотронулась своей ладонью в том месте, где он касался стекла, только со своей стороны. Тихо прошептала, но так, чтобы он услышал меня:

– Прости, что не поверила. Ты, как всегда, лучше меня разбираешься в моих предчувствиях.

Так мы простояли пару минут, упираясь в стекло, разделяющее нас, лбами и ладонями. Странное чувство единения сейчас охватило меня: ведь мы никогда не были так близко друг к другу, как сейчас, не в физическом, а в духовном плане.

– Прости, что поднял на тебя руку, детка! Я до сих пор не могу понять, что тогда мною двигало. Какая-то бессмысленная злоба, страх... Страх потерять тебя навсегда...

Чуть отстранилась от стекла и заглянула в лихорадочно горящие карие глаза, к которым так привыкла за эти три года, что мы были вместе. Поэтому, не думая о последствиях, пообещала:

– Я прощаю, слышишь, я прощаю тебя. И ты не потеряешь меня, Нелюбин. Мы всегда будем вместе... Видишь, даже в такой момент мы все равно вместе.

Карие глаза напротив вспыхнули счастьем, затем он убрал руку, словно размыкая наше рукопожатие, и обрисовал по стеклу черты моего лица.

– Это сильнейший стимул для меня, чтобы выжить...

Я нахмурилась, ощущая, как предчувствие вновь острыми ледяными осколками врезается в сердце. Наверное, поэтому еще сильнее прижалась к стеклу, из-за чего оно кое-где запотело от моего учащенного дыхания, но настойчиво и нервно заговорила:

– Все будет хорошо, Нелюбин! С нами все будет хорошо, не смей даже думать о плохом. Не будь паникером и не трать силы на смирение. Направь их на борьбу...

– Девочка моя, когда я впервые тебя увидел сидящей в открытом кафе на улице, показалось, что меня кто-то ударил под дых. Вся такая сияющая от счастья, сама весна с тобой заигрывала, теребя пряди волос... Столько невинности в твоих карих глазах, столько тепла, я не смог пройти мимо. Больше не мог думать ни о чем. Я просто стоял и смотрел, любовался твоими плавными изящными движениями, твоими маленькими ручками, которые держали салфетку... Клянусь силой, я чуть не взорвался от наслаждения, наблюдая, как ты облизываешь ложку с шоколадным мороженым.

Он сглотнул, глядя на меня сейчас теми же голодными глазами, которые преследовали и даже пугали меня в начале нашего знакомства. Потом продолжил говорить, а мне показалось, что он уже не видит меня, а погружен в свои воспоминания:

– А потом ты встала, и оказалось, в тебе сочетается несочетаемое. Невинность и греховная сексуальность, которая сквозила в каждом твоём жесте, движении тела, изгибе округлых бедер, высокой груди, хоть и не такой большой, как я люблю, но у меня снесло крышу – так захотелось ее коснуться... Вроде и ноги не от ушей, но сильные икры и изящные ступни в серебристых босоножках на шпильке... Разрез на юбке, а там, о сила, там мелькнула полоска от чулок... Я впервые не мог думать, анализировать, меня просто с чудовищной силой тянуло к тебе. Даже когда я увидел кайму на радужке, свидетельствующую, что в тебе течет часть крови полиморфов, ничего не смог поделать. Меня, чистокровного мага-менталиста, ничего не могло остановить, да я и не пытался. А дальше, постепенно узнавая тебя ближе, я понял: такое сокровище должно быть только моим... Твоя невинность неизбежно досталась мне, и я все делал, чтобы привязать тебя к себе, приручить словно животное... владеть безраздельно, забрать волю и убить даже мысли о других... Моя...

Я отшатнулась от стекла, в ужасе уставившись на Савелия, который сейчас не видел меня, забылся в себе и своих мыслях, а его речь становилась все более бессвязной, отрывистой. Лицо перекосило от бессильной ярости, непонятно почему сейчас испытываемой им.

Резким, каким-то рваным движением потер лицо, а я заткнула рот кулаком, чтобы не закричать от отчаянья. Кожа, словно силиконовые ошметки, повисла на его щеках и лбу. Сава отнял руки от лица и уже невидящим мутным взглядом обвел свой бокс; шторы опустились на его стороне, отрезая от меня. Я рванула к дверям и нажала на кнопку вызова персонала. Уже через пару секунд быстро подошла молодая медсестра из магов, а я лишь тыкала рукой в сторону соседнего бокса. Видимо, по моему лицу она поняла все, что я не смогла выразить словами, чувствуя, как спазмом перехватывает дыхание.

Сползла по прозрачной стене, уселась на полу, обняв колени руками, и замерла в отчаянии. Слезы катились ручьями, а я невидящим взглядом уперлась в пространство. Несмотря на все недостатки Савы, он был последним близким мне человеком, и потерять его я была не готова, но это произойдет очень скоро. Ведь не зря же нас сразу предупредили, что после заражения этим страшным вирусом все проходит слишком быстро, всего сутки от начала до конца. И пока выживших нет, ни одного.

* * *

10 февраля

Я вновь стояла на холодном зимнем ветру и вздрагивала каждый раз, когда очередной кусок промерзшей земли падал на металлическую крышку урны. Как и два месяца назад, я с трудом переносила это обреченное «бум-бум-бум», понимая: больше нас с Савелием действительно не будет. И его не будет, и моих родителей не будет, и вообще, кажется, уже ничего не будет.

Кутаясь в воротник своего кашемирового пальто, тупо смотрела на два маленьких земляных холмика и две простенькие таблички с именами моих родителей и моего первого мужчины. Мужчины, который меня любил, но которого я не смогла полюбить.

Кладбищенские работники уже давно ушли, а я продолжала стоять, чувствуя, как развеваются на ветру полы моего черного пальто и стынет душа. Такая же промерзшая, как и эта земля под толстым слоем серого грязного снега.

Наконец я, словно живой мертвец, направилась к выходу с кладбища, где стоял ожидающий меня автомобиль, любезно предоставленный Агентством национальной безопасности. Наверное, кто-то там решил, что за вторичное посещение этого скорбного места мне полагаются преференции.

Мои вещи уже лежали в машине. Всех участников конференции проверили на возможность заражения и здоровых сразу отпустили. Самое страшное, что таковых оказалось немного. Все полиморфы и лишь десяток магов. Пока я в госпитале ожидала своей участи и кончины Савелия, чтобы хоть чуть-чуть отвлечься, смотрела телевизор. В стране начинались тяжелые времена.

Установилась открытая конфронтация магов с полиморфами в парламенте. Маги прямо обвиняли полиморфов в сговоре с хавшиками и начале тотального уничтожения своих извечных конкурентов – магов. Начались массовые столкновения с полицией и стянутыми в Москану внутренними войсками, потому что большая часть этого контингента – полиморфы.

После первых проявлений вируса на улицах столицы началась паника среди населения. Напряжение росло как на дрожжах, грозя вылиться в нечто жуткое. Те же самые события происходили во всех двадцати государствах ЕвроАзеса. Соседние с Арабексом страны наглухо закрыли границы, но вирус границ не признает. Скорость распространения эпидемии оказа-

лась невероятной. К сегодняшнему дню аэропорты были переполнены: все пытались вернуться домой или просто убраться из столицы подальше в надежде, что беда минует их.

Машина катила по пустынным улицам. Люди либо отсиживались дома, либо шли с палками и бутылками с горючей смесью, готовясь к новым стычкам, выплескивая таким образом свой гнев и страх перед будущим и беззащитностью перед невидимым врагом.

Водитель – в этот раз это молодой парнишка-маг – напряженно следил за дорогой и старался ехать только по хорошо освещенным улицам. Несколько раз я с ужасом замечала людей, которые с лихорадочно горящими пустыми глазами, шатаясь, брели по улицам, падали на землю или лавки. Столько зараженных, которым никто и ничто уже не поможет...

Живые вопили о бездействии властей, о тупости ученых, которые не могут справиться с вирусом, но уже все были в курсе, спасти ситуацию может только вакцина, а для ее разработки должен быть хоть один выживший.

Мы обогнали машину черного цвета с белыми крестами по бокам – труповозку, которая собирала зараженных и трупы на улицах города. Но кладбища пустовали, потому что в соответствии с указом президента всех умерших должны были сжигать, чтобы предотвратить дальнейшее распространение эпидемии.

На территорию аэропорта мы смогли пройти только потому, что мой водитель на заградительных постах демонстрировал пропуск сотрудника АНБ. Сотни мрачных жестких лиц военных провожали нас взглядами, заставляя остальных поворачивать назад, потому что рейсов нет или все места на самолетах заняты. Мне все страшнее делалось от мысли, что будет дальше. Билеты у меня имелись, причем, как это ни жутко, – на двоих, ведь со мной сейчас должен был лететь Сава. Но в такое время наличие билета отнюдь не гарантирует попадание на борт самолета. А что мне делать в Москане на грани гражданской войны, я даже не представляла.

Аэропорт... Как много, оказывается, означает это слово: надежду вернуться домой, облегчение от того, что смог сюда добраться. Даже свет многочисленных огней, заливающих парковку, и вход в него дарит странную уверенность, что все теперь будет хорошо.

– Мест нет! – резкий голос уставшей замученной женщины-мага добил меня окончательно.

Сотни людей, толпившихся в здании аэропорта, мешали думать, сосредоточиться на решении проблемы, как улететь домой. Не давали найти правильные слова и вообще силы потребовать, чтобы меня посадили на борт самолета, ведь у меня на руках целых два билета вместо одного. Меня толкали, отодвигали все дальше от стойки регистрации, отчего я все больше погружалась в панику и полную безнадегу.

Я даже не поняла, как оказалась возле одной из информационных колонн с зажатыми в руках, бесполезными теперь билетами и бездумно смотрела на всю эту суету. В мозгу билась в истерику мысль: «Что делать?»

– Здравствуйте, Кира Юрьевна! Я рад, что с вами не случилось ничего плохого. Хотя я слышал, ваш друг...

Участливый мужской голос с рычащими нотками заставил чуть повернуться и поднять голову. Передо мной стоял Артур Конев и мягко улыбался с сочувствием и печалью в глазах.

– Почему вы стоите здесь, Кира?

Я неосознанно пожала плечами, все еще находясь в прострации, а потом, очнувшись, ответила:

– У меня два билета до Гавра, но я не могу улететь, хотя вылет уже через час. Мне сказали, мест нет, и не пускают в зону досмотра. Не могу пройти регистрацию... а ведь у меня два билета.

Конев осторожно вытащил из моего сжатого кулака билеты, прочел все внимательно, а потом глубоко вздохнул, на миг задумавшись. А я тихо спросила:

– Как там ваша семья поживает, Артур? Они в безопасности?

Он нахмурился и тяжело ответил:

– Мой старший сын Эдик сейчас присматривает за всеми, но мне необходимо срочно вернуться домой... Тогда они будут под моей защитой в полной безопасности... – он бросил внимательный изучающий взгляд на пропускной пункт, снова на билеты в своей руке, а потом тихо добавил, но, похоже, скорее для себя, чем для меня: – До Челвинска из Гавра ближе и явно проще добраться, чем из Москаны... сейчас. Кира, вы готовы поделиться со мной одним билетом?

Я лишь кивнула головой, соглашаясь; оборотень ласково погладил меня по голове:

– Ты похожа на мою сестру, Кира! Это странно, но впервые магия вызывает у меня чувство защитника...

– Я так слаба?

– Нет! Просто беззащитна, и это лично во мне рождает родственное чувство. Пойдем, девочка, выберем нам места на твоём рейсе.

Уже не глядя на меня, одной рукой подхватил свой чемодан, а второй – мою руку, заставляя следовать за ним, катая свой саквояж на колесиках по мраморному полу регистрационного зала.

Мы подошли к небольшой, но явно с трудом преодолимой баррикаде из стульев, которая мешала беспрепятственно пройти к пункту досмотра. В баррикаде был оставлен узкий проход, чтобы пассажиры могли двигаться по одному, но с чемоданами. С внутренней стороны стояли военные с флегматичными бесстрастными лицами и взирали на мужчину, который что-то тихо, но настойчиво говорил. Тот увлекся и не заметил нашего приближения, а мы услышали, как он вещает охране аэропорта, показывая конфетную бумажку.

– Вы сейчас меня пропустите. Видите, у меня есть билет, поэтому вы сейчас медленно отойдете в сторону и пропустите меня внутрь. Я приказываю пропустить меня, вот мой билет...

Судя по глазам и внушительной комплекции, военные были из полиморфов. Они слушали, но не делали ни одного движения, чтобы выполнить приказ мужчины-мага. Я же, не сдержавшись от глупости этого человека, с сарказмом спросила:

– Скажите, уважаемый, вы плохо учились или с рождения такой? Ваша ментальная магия на полиморфов не действует, тем более такого низкого уровня. Они не поддаются магическому внушению, а вы им тут спектакль бесплатный устраиваете и всю нашу расу позорите... Конфетными бумажками перед носом у них трясете...

Первым порывом мужчины был жест, которым он пытался смять фантик и спрятать руку за спину. Затем его лицо перекосило от ярости, и он заголосил, кидаясь грудью на загораживающих проход оборотней.

– Вы обязаны меня пропустить. Я не могу остаться здесь, меня там ждут. Я должен покинуть этот проклятый город. Я не могу тут остаться и заболеть...

Хмурый крупный мужчина окинул презрительным взглядом истеричного мага и спросил нас холодным голосом:

– Билеты есть? Не фантики?

Плечи неудачника-менталиста поникли, а полиморф развернул его спиной к себе и подтолкнул. Не сильно, но ощутимо, заставляя отойти в сторону. Тот же обреченно отошел к колонне и сел на пол, закрыв лицо руками, вздрагивая всем телом. Похоже, плакал. Мне стало совсем тошно и больно от этой сцены. Но мне не дал утонуть в жалости к себе и всему миру Конев. Он протянул два билета на самолет и, прищурившись, глянул на охрану. Главный просмотрел наши билеты и коротко ответил:

– Вы не прошли регистрацию...

– Да, потому что наши места пытаются украсть... У нас есть билеты, но кто-то перекупленный из работников аэропорта пытается вместо нас протиснуть своих и явно за деньги.

И мы, и охрана молчали. Конев с резкими металлическими нотками в голосе произнес:

– Вы из внутренних? – получив осторожный утвердительный знак охранника, продолжил: – Халилов с вами?

Я продолжала стоять, напряженно наблюдая за полиморфами, а тем временем происходили следующие события. Старший на этом посту связался по рации с кем-то, сообщил, что хотят услышать Халилова. Потом с загадочным Халиловым поговорил по рации сам Конев, передал рацию охране, и нас с кривой усмешкой пропустили внутрь. Я нервно семенила за своим спасителем, волоча за собой саквояж и не глядя по сторонам.

В предпосадочном зале Конев усадил меня на одно из кресел, а сам подошел к мужчине в военной форме АНБ. Я краем уха слышала обрывки фраз. Затем решила сходить в туалет: я долго стояла на кладбище, долгая дорога в аэропорт и вообще...

Извинилась, покраснев под внимательным взглядом интересного мужчины – скорее всего, того самого Халилова, – и сбежала в туалетную комнату. В зале тьма народу, а здесь неожиданно никого не оказалось.

Умылась и, промокнув руки и лицо салфетками, так и замерла, разглядывая себя в большом зеркале. Бледное осунувшееся лицо с большими карими глазами, вокруг радужки которых виднелась бледная, едва заметная темная кайма полиморфов. У чистокровных она ярко-черная. Сейчас эти совсем недавно лучившиеся светом глаза стали тусклыми и усталыми. Даже я видела, как в них плещутся боль и ужас от происходящего. Овальной формы лицо обрамляли каштановые блестящие локоны, густой волной спускающиеся до лопаток. Немного тонкие, но четко очерченные губы скорбно поджаты и потрескались от того, что я постоянно кусала их в последнее время. Не худая, но стройная шатенка с округлыми сексуальными формами, хоть я и похудела от нервозности за последние месяцы. Молочная, с эффектом прозрачности кожа... Я похолодела, заметив на скуле ошметок кожи и легкое покраснение под ним. Неужели тоже заражена?

Трясущейся рукой дотронулась до жуткого на вид кусочка на лице, а потом с диким, невероятным облегчением выдохнула, поняв, что это всего лишь частичка влажной салфетки. Нервно усмехнулась, а потом, поправив одежду, бросила последний взгляд в зеркало и вернулась в зал к Коневу.

Благодаря влиятельному Халилову все недоразумения были разрешены, и нас пропустили на борт и помогли занять места согласно купленным билетам. Документы проверять не стали, к моему великому облегчению: проблем мне не хотелось, а совесть молчала. Оба места мои и куплены нами с Савой, так что мы имеем полное право лететь в этом самолете... домой.

После приземления в Гавре мы пожали друг другу руки, я даже чмокнула Коневу в щеку, еще раз поблагодарив его за помощь. А потом мы расстались... навсегда.

Часть вторая

10 марта

«...Созданная вакцина позволила остановить рост эпидемии среди магов и метисов, сейчас ведутся работы по генерации вакцины для полиморфов и хавшиков. Так же, как сообщает пресс-служба МВД Россины, волнения удалось прекратить, мародерство и грабежи пресекаются жестко и немедленно – это уже не вызывает прежний ажиотаж и возмущение. Потому что спокойствие наших граждан, а также их безопасность важнее гуманности в отношении бандитов. Количество заболевших практически равно нулю, и это говорит о том, что с вирусом нам все же удалось справиться. По последним данным, численность населения планеты сократилась на двадцать процентов, но благодаря всеобщим усилиям правительств всех стран и их граждан нам удалось избежать новой глобальной катастрофы...»

Слушая голос диктора, я маленькими глоточками пила горячий чай и смотрела в окно, отрешенно наблюдая за восходом солнца. Теперь все слушали новости как жизненно важную информацию.

Из Гавра месяц назад я добралась на машине, мне повезло встретить в аэропорту старых знакомых – друзей моих родителей. Затем я как на каторгу ходила на работу. После смерти Савы наша компания переживала не лучшие времена, но справлялась с трудностями под руководством его младшего партнера по бизнесу, которому отныне она принадлежала полностью. И это несмотря на эпидемию, которая разразилась и в Тюбрине. По требованиям городских властей в городе объявили карантин, впрочем, как и по всей стране. Закрыли все детские учреждения, развлекательные и спортивные центры. Закрыли всё, кроме продуктовых магазинов и компаний, их снабжающих. Поэтому наша тоже работала, так же как больницы и, как это ни страшно звучит, крематории.

Крематории – единственное место, которое за последние две недели работало без перерывов и на грани того, чтобы захлебнуться в поступающих к ним трупах. Двадцать процентов населения, и это только по предварительным подсчетам. Многие потеряли своих близких и любимых, а часто погибали целыми семьями.

В первое время началась открытая конфронтация в правительстве и на улицах: маги против полиморфов. Все уже забыли, что ученые и военные представили доказательства разработки вируса хавшиками, специально ради эксперимента распылившими его на Сургатских островах. В самом начале вирус поражал только магов, из-за этого возникли подозрения и жаркие баталии среди правящих верхушек. Но три недели назад начались повальные заражения полиморфов, многие просто не ожидали, что полукровки магов и оборотней позволят вирусу мутировать, и теперь весь ЕвроАзес горел в лихорадке безумия, встав на колени перед болезнью.

Именно после этого ситуация в корне изменилась. Военная верхушка оборотней совершила переворот во властных структурах и заняла все ключевые посты. Страх, неуверенность и несогласованность действий исчезли. Ввели комендантский час, черные дружины собирали зараженных по улицам и домам, часто действуя по наводкам соседей и прохожих. Вся властная вертикаль работала по четкой, слаженной схеме. Затем произошло фактически чудо.

Нашли выживших людей, которые смогли справиться с болезнью, хотя у двоих из семи остались последствия. Один полностью потерял память, а второй сошел с ума, проявляя лишь животные инстинкты. Но производство вакцины в промышленных масштабах стало первостепенной задачей нового правительства.

Все мероприятия, предпринятые правительством, снизили заболеваемость в рекордные сроки, расчистили улицы городов, наладили привычную жизнь, и впервые за этот месяц в умах людей зародилась надежда на счастливый исход.

– Переходим к другим новостям: в Бинидосе состоялся саммит организации объединенных рас в связи с трагедией, которая затронула весь мир. ООР призывает назначить верховное правительство и объединить под его руководством все страны ЕвроАзеса. Как поделились с нами наши достоверные источники, все это происходит в связи со случаями заражения и среди хавшиков. Как сообщают другие источники, в ФРС поступили неопровержимые сведения: на Амеросе в городах чешуйчатых объявлен пятый уровень тревоги. Похоже, чешуйчатые получили шах и мат, причем от того, что сами же и создали. Пока нет информации о количестве заболевших среди хавшиков, но по данным спутников, над их городами стелется дым номинальных пожарищ. Тысяч пожарищ!»

Убрала звук радио, резко поставила стакан в мойку и уперлась в нее двумя руками.

– Куда катится наш мир? – мой голос жутким карканьем раздался в тишине собственной кухни. Депрессия навалилась и уже который месяц не отпускает из своих цепких объятий. Я плохо сплю по ночам, мне снятся кошмары, и во сне ко мне все время приходит Сава, укоризненно качает головой, а потом жутко кричит от ярости. Родительская квартира теперь угнетает, а не успокаивает детскими воспоминаниями.

Теперь я все чаще езжу в Васино в свой новый дом и именно там нахожу успокоение и спасение от ночных кошмаров. Магазины закрыты, но магсеть работает, поэтому я решила сегодня полазить по ней и заказать себе всю мебель разом. Оказывается, жизнь так скоротечна и полна смертельных неожиданностей, что надо делать все сейчас и не откладывать на потом.

В итоге целый выходной день я убила на перелопачивание кучи информации, заказ мебели и еще массы безделушек. А то у меня в Васине имеется лишь кухонный гарнитур с посудой и печка, сложенная в старинном стиле, а из оставшейся мебели – раскладушка. В течение недели обещали доставить и собрать, если заплачу наличными. Деньги у меня есть, поэтому согласилась. Очень уж хочется переехать из квартиры, ставшей скорее тюрьмой воспоминаний.

* * *

1 мая

В открытое окно магмобиля врвался весенний ветер, превращая мою строгую прическу в нечто растрепанное, но мне было все равно. Запах весны волновал обоняние и заставлял сердце заходиться в радостном предвкушающем биении. Улыбка расползлась по лицу, а душа впервые за последние полгода горланила веселые песни. Даже предчувствие, видимо, устав терзать меня плохими новостями, на время отпустило – то ли для передышки перед чем-то ужасным, то ли все действительно налаживается и счастье ждет не за горами.

Грунтовка резко сменилась хорошей дорогой, стоило вынырнуть из-за поворота, за которым заканчивался небольшой лесной массив, знаменующий границы территории Васине. Я аккуратно вывела «кешара» на асфальтированную трассу, вливаясь в общий утренний транспортный поток, который устремился к Тюбрину. Началась трудовая неделя, и все пытались вовремя попасть на работу.

За два месяца произошло столько изменений не только на ЕвроАзесе, но и во всем мире, что народ уже не успевал все отслеживать и вернулся к привычной размеренной жизни.

Полным ходом шла глобализация. Создали общее правительство, и пока в ускоренном режиме шло его формирование. Маги уже пришли в себя и теперь с пеной у рта отвоевывали свой кусок властного пирога. Хавшики, пережив страшную катастрофу, вслед за магами и

полиморфами выступили с просьбой о принятии их в общий союз. Слишком большие потери среди населения вынудили их просить о помощи и искать сотрудничества с бывшими врагами. Несмотря на их вину в случившемся, верхушка ЕвроАзеса решила, что таких союзников лучше держать на виду и под контролем, чем в очередной раз получить неожиданный подарок в виде неожиданной глобальной катастрофы.

Вообще, случившееся всем позволило посмотреть на окружающий мир с новой точки зрения и задуматься о бренности нашей жизни. И хотя еще возникало много ошибок, споров и конфликтов, но зато все теперь осторожны и более лояльны друг к другу. Хотя это все равно не может быстро изменить сложившиеся стереотипы. Представители каждой из рас держались своих анклавов и относились друг к другу с подозрением и предвзятостью.

Подъехав к зданию компании, где я все еще работала, припарковалась и быстрым шагом, цокая каблучками, направилась внутрь. Начинался дождь. Уже взявшись за ручку на двери своего кабинета, услышала голос Вали:

– Кира Юрьевна, вас вызывают к генеральному.

– А что случилось? Ты не в курсе, Валечка?

Девушка, хитро блеснув лисьими глазами, подскочила ближе и радостно зашептала:

– Вас с Натаном Сергеевичем из отдела логистики вновь хотят послать на съезд пищевиков. Я слышала, он впервые в Гавре проходит, но учитывая, в каком сейчас состоянии Москана, после волнений двухмесячной давности, организаторы, наверное, не решились приглашать участников туда.

Все еще не в силах забыть прошлый съезд, я нахмурилась и задумчиво спросила:

– Я не понимаю, зачем сейчас собирать подобные мероприятия? После всего случившегося?

Валя пожала плечиками и предположила:

– Рая... ну, новая секретарша генерального, сказала, в связи с изменениями в мировой конъюнктуре рынка, с вступлением в союз хавшиков и вообще новые правила и таможенные пошлины обсудить...

– А мы-то тут при чем с Натаном Сергеевичем?

– Ну как же... – Валя хихикнула и добродушно выдала: – все знают, что наш генеральный ни бум-бум в этом бизнесе и пока только на вас и еще на некоторых своих замах и выплывает...

– Валь, ты не должна поддерживать подобные слухи...

– Да это не слухи, Кира Юрьевна, он сам это сказал Натану Сергеевичу, Рая сама слышала...

Я нахмурилась, уставившись на свою секретаршу, а она, запнувшись на полуслове, скривила свою нагло-хитрую, обаятельную лисью рожицу и затараторила:

– Нет, нет, Кирочка Юрьевна, она не подслушивала, просто они так громко разговаривали, что было сложно не услышать. Рая же из кошачьих...

Хмыкнула насмешливо, качнула головой и, вздохнув, поплелась к генеральному. Очень не хотелось куда-то ехать, но при нынешнем положении в стране искать новую работу сложно. Тем более все наличные деньги я истратила на приведение своего домика в жилой вид. Теперь он стал уютным внутри и несокрушимым снаружи. Как и хотел Сава, теперь, даже если мир вернется в каменный век, наши два дома могут функционировать автономно. Как недавно заметил Михалыч – главный агроном и техник в Васине, теперь наши дома – это небольшая крепость. Осталось только подземные ходы прорыть, построить казематы – и сходство будет полным.

В этом месяце я часто общалась с хавшиком и помогала своей магией земли на полях. В этой работе я даже нашла какое-то умиротворение и спокойствие, которого мне так не хватало в жизни.

6 мая

Мы с Натаном Сергеевичем, а в народе Натусиком в связи с его нетрадиционной ориентацией, зашли в большой концертный зал Гавра, где должна была проходить общая конференция. Организаторы постарались на славу: в высоких канделябрах горели свечи, столы, расположенные буквой «П», убраны в белые с золотом скатерти, кругом цветы, судя по магическому фону, с заклинанием неувядания. И по залам этого старого, но еще весьма крепкого и внушительного здания ходят леди и джентльмены в смокингах и красивых платьях.

Я не ожидала подобного приема, но надела классическое черное шелковое платье с жемчужной ниткой, обвивающей шею и завязанной узлом на груди. Ну а Натусик щеголял в серебряном смокинге, ничуть не смущаясь немного шокированных взглядов остальных участников. Не знаю, как насчет таможенных пошлин и новых правил торговли, но пропиаримся мы здесь однозначно. Единственное, что меня примиряло с вычурным видом Натусика, – лучшего логиста еще поискать нужно, на него позарится любая компания, и не только нашего профиля.

Рядом со мной раздался радостный писк; резко развернувшись, я увидела Лену Пивоварову. Леночка когда-то жила в доме по соседству с моими бабушкой и дедушкой. Мы с ней часто гуляли, а потом перезванивались. Недавно она вышла замуж за владельца компании, подобной нашей, и сейчас я смогла лично познакомиться с ним.

– Кирочка, познакомься, это Леонид Крашевин, мой муж. Ленечка, про Киру Нехоросhevу я тебе рассказывала.

Мы с улыбкой кивнули, рассматривая друг друга. Если сама Леночка довольно сильная магиня земли, работающая в ботаническом саду, обладает потрясающей фигурой с весьма аппетитными формами и очаровательным личиком, обрамленным золотыми кудряшками, то ее муж – полная противоположность. Худая жердина, на котором даже дорогуший смокинг висел как на вешалке. Лицом смахивает на ворона, но этот маг поражал силой ауры, горящими глазами и невероятной харизмой, почувствовав которую, я непроизвольно расплылась в улыбке. Заметив, как у Леонида насмешливо выгнулись брови, с подозрением оглянулась на Натусика и хмыкнула. Наш логист сейчас чуть не капал слюной на свой смокинг, сверля обожающим взглядом Леонида. Ленка нахмурилась и крепче прижалась к мужу, а мы с ним рассмеялись.

Тем не менее мы вчетвером уже через пару минут чувствовали себя лучшими друзьями и, прогуливаясь по залу, вели нескучные беседы. Чуть выдвинувшись вперед и оставив мужчин позади, болтали о жизни с подругой. Рассказав свои новости, я впервые почувствовала себя легче, а Лена, оказывается, переживала о возможном бесплодии. Истинная магия жизни встречалась реже, чем магия исцеления, с которой многие поступали в медицинские вузы и становились врачами. Вот так, тихо перешептываясь и делясь наболевшим, мы присутствовали на конференции. Выступали в основном Леонид и Натусик, а мы выбрали роль подруг-болтушек. Но нам никто не мешал и не высказывал претензий.

Расставались мы неохотно, но конференция продлится три дня, так что еще не раз встретимся.

Приняв душ и поужинав, включила телевизор, намереваясь перед сном немного послушать новости, и застыла с пультом в руках.

«...Новая волна заболеваний поражает всех без разбора. Исследования показали, вирус мутировал и... вакцина не действует. Власти бессильны перед новой бедой, правительство Бинидоса бьет тревогу и закрывает все границы с Арабексом, в котором зафиксирована новая вспышка заболевания. Всех беженцев отгоняют от границ выстрелами. Мы на грани всеобщей паники и войны. Скоротечность вируса позволяет прогнозировать тотальное заражение. Как сообщают многие СМИ, очаги заражения уже появились во всех двадцати восьми государствах ЕвроАзеса. Островные государства также закрыли полностью свои границы. Над горо-

дами хавшиков вновь зажглись тысячи поминальных костров. На улицы Москаны вышли сектанты, которые кричат, что пришел наш судный день. Триединый нас вновь покинул, как пять тысяч лет назад... Неужели еще через пять тысяч лет наши потомки будут вести новое летоисчисление от нового Черного столетия...»

Выключила телевизор, не в силах смотреть на кадры, в которых показывали поджоги, беженцев, бегущих от границ в панике от выстрелов. Мрачные сумасшедшие лица сектантов с горящим фанатизмом в глазах, новая разруха и смерть.

– И что делать теперь? – мой хриплый испуганный голос нарушил тишину гостиничного номера. Я уже хотела позвонить Натану или Лене, но передумала. Утро вечера мудренее, с той скоростью, с которой сейчас в мире развиваются события, за эту ночь многое может измениться. В крайнем случае, завтра вечером поеду домой. Я на машине, и четыре часа в пути для меня раз плюнуть.

Завтрак в ресторане отеля прошел в мрачной, гнетущей атмосфере. Теперь все прилежавшие из дальних регионов меняли по телефонам билеты и дату вылета, стремясь быстрее попасть домой. Но все же нас встретили и подтвердили: конференция, несмотря на тревожные новости, продолжится. Лишь регламент изменился, и сегодня постараются обсудить ключевые моменты и разногласия, чтобы не задерживать участников в Гавре.

Ко мне подошла сияющая Леночка с харизматичным Леней.

– Привет! Как спалось? Я как услышала вчера эти новости – дурно стало. У нас вчера мама с папой вернулись из Москаны, они говорят, там снова бунты, грабежи и вообще все, кажется, сошли с ума. В городе объявлен комендантский час. Ты представляешь, теперь в Москане всем управляет специальное подразделение ФОО – Федеральный отряд антитеррора, в столицу ввели весь его контингент. Папа сказал, что он сформирован только из полиморфов, причем самых сильных. Они с мамой ехали в аэропорт и видели, как их везли на военных машинах. Мама говорила, у них лица такие жуткие, будто они действительно звери...

– Не говори глупости, любимая. Они полиморфы, и этим все сказано, и бывают в таких ситуациях и местах, в таких переделках, от которых у человека волосы встанут дыбом. Естественно, это откладывает отпечаток на их лицах. А твоя мама – научный сотрудник и привыкла видеть вокруг себя лишь свои любимые папоротники и кустики...

– Лень, вообще-то моя мама с деркусом ламинис привыкла работать, а он ядовит и плотоядный, поэтому...

– Солнышко, я люблю тебя, и твоя мама – самая смелая женщина на свете...

Лена прилипла к мужу, обняв его с умиротворенной счастливой улыбкой. Я видела: все происходящее их тревожит, но тот факт, что они вместе, примирял их со всеми невзгодами.

– А где Натусик, Кир?

Нахмурившись, потеряла виски, чувствуя, как сегодня здесь душно.

– Я позвонила ему утром, он сказал, что ему нехорошо из-за вчерашнего возлияния, и решил побыть в отеле до нашего отъезда.

– Я уверена, он смотрел новости и теперь боится высунуть нос из гостиницы...

Я хмыкнула, соглашаясь:

– Думаю, ты права, наш логистик чрезвычайно щепетильно относится к своему здоровью и внешности...

– А я думаю, в данной ситуации он прав. – Мы с подругой посмотрела на Леню, а он сверлил взглядом свою жену. И в его глазах я заметила тревогу за нее, глубокую любовь и нежность. Нахмурившись, он погладил ее по щеке и пробормотал: – Ты немного горячая, Лен. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Немного душно, а так все хорошо...

– Знаете, Леонид, мне тоже здесь душно. Может, пойдем, выпьем чаю и плюшками побалуемся?

Решили – сделали, но уже через пару часов Лена почувствовала себя совсем неважно, и они с мужем уехали, пообещав позвонить вечером.

Отсидев положенное время, я отправилась в гостиницу. Натусика не оказалось в номере, и я все сильнее нервничала. Уехать без него не могла, потому что мы вместе приехали на моей машине, осталось только заночевать в Гавре.

К ночи я не выдержала и позвонила Лене; трубку неожиданно взяла ее старшая сестра Зоя:

– Я слушаю!

– Э-э-э, Зоя... а можно Лену...

– Все кончено, Кир, все кончено... Мамы с папой уже нет, а Лена... Она в больнице умирает. Леонид тоже с ней и тоже заражен, они там вместе, как и всегда. Я тоже туда иду, Кир. Это снова началось... – я слышала, как Зоя рыдает, – мы все умрем, и уже ничего хорошего не будет...

Я похолодела, услышав новости, но, когда в трубке слышались лишь короткие гудки, мне стало страшно и больно. Остервенело набирала номер, но Зоя больше не брала трубку. Несколько раз попыталась связаться с Натусиком, но и он молчал. Сходила к администратору и попросила вскрыть его номер, чтобы удостовериться, что с ним не приключилось ничего страшного. В номере Натусика не было, но, скорее всего, он спешно покинул его, забыв некоторые мелочи. Меня отправил на конференцию, а сам сбежал домой, испугался.

Несмотря на его поведение, я успокоилась, убедившись, что он хотя бы жив и не валяется здесь мертвым.

Тем временем я и сама ощутила ухудшение состояния. И когда поняла, что у меня жар, и увидела знакомые красные пятна на лице, предвещающие скорое отслоение кожи, уже не сомневаясь и не тратя времени на сборы, отбыла в Тюбрин. И я знала: еду туда умирать. Мне лишь хотелось, чтобы это произошло в доме моих родителей, может, хоть таким образом я буду ближе к ним.

Последний час прошел на грани бреда. Температура поднялась до такого уровня, что в глазах стоял белесый туман, мешающий видеть. Слабость разливалась по телу, превращая мышцы в желе. Вела машину уже на автопилоте и все чаще замечала автомобили в кюветах или на дорогах, с раскрытыми дверями, а возле них лежали и сидели умирающие. Некоторые еще были живые, но уже не в состоянии вести машину, кто-то держал на руках близких, которым уже ничем не помочь. Кошмар царил вокруг, а смерть снова собирала свой урожай, и, судя по всему, он будет гораздо обильнее предыдущего.

Как я доехала – толком не помню. До кровати добиралась, судорожно срывая с себя платье, так жарко было. Кожа болела невероятно, зверски ломило все тело. Издавая стоны от жара и боли, я чувствовала каждую косточку, каждый сустав и, кажется, даже слышала, как они хрустят. Кожа зудела и, уже впадая в беспамятство, я заметила ее белесые ошметки на пальцах. Ну что ж, мое время подошло к концу.

Я не думала, погружившись в состояние на грани реальности, лишь чувствовала всем телом, как плавлюсь в огне лихорадки. Меня мучили жуткие видения: Сава приходил и звал с собой, потом ругался, обвинял в чем-то, мама с папой, наоборот, говорили, что мне здесь не место; и я должна вернуться; Лена весело смеялась, прижимаясь к Леониду; Натан просил прощения за побег и горько плакал о своей гибели. Странные сны-видения не проходили, и в них все чаще приходили, сменяясь чередой, разные малознакомые люди. Я привыкла к ним и в краткие моменты просветления сознания, когда меня хватало только на то, чтобы хлебнуть воды из бутылки, странным образом оказавшейся рядом на кровати, даже скучала без их компании.

Мне кажется, я с ними даже беседы или споры вела. Вот только о чем? А может, о самом главном? Просто я ничего не помню, а с каждым мгновением, украденным у смерти, помнила

все меньше. И от этого становилось еще страшнее. Не хочу жить, как те несчастные, которые победили вирус, но утратили в этой борьбе самое главное – свою личность. Снова стать чистым листом я не хотела – слишком много я потеряю, или, точнее, слишком многих забуду. А моя бабушка часто повторяла: «Мы живы, пока нас помнят!»

* * *

Многоголосый шепот в ушах прекратился, а через некоторое время, насладившись тишиной и покоем, наконец почувствовала себя. Ощутила себя в пространстве, услышала, именно услышала тишину в квартире и смогла разлепить веки. Все мои чувства обострились до предела, впрочем, дали знать о себе и неприятные последствия. Вся кожа ныла и зудела, словно меня покусали тысячи насекомых, горло саднило от сухости. А в целом – будто меня всю ночь били-били и по каким-то обстоятельствам убить забыли.

Повернув голову набок, искала глазами бутылку, она точно была. Я помню! Вожаденная бутылка оказалось на месте... пустой, более того, на ней обнаружились многочисленные следы зубов – выходит, это я драла пластик зубами.

Поднесла руку к лицу, с омерзением рассматривая свисающие лоскуты кожи, некоторые из них уже отвалились... Успокоило лишь то, что под этими жуткими последствиями болезни появилась новенькая, еще очень тонкая розоватая кожа. Чесалось нестерпимо, но, как взрослый человек, я понимала: если ее травмирую, то могут остаться шрамы.

Мое сознание все еще «плавало», не в состоянии зацепиться за главную мысль, лишь фрагменты появлялись на поверхности, подталкивая к действиям. Сначала пить...

Медленно встала с кровати, приложив массу усилий, постояла, пока прошли головокружение и тошнота. Сколько же я так провалялась? Похоже, не меньше пары дней. Желудок с громким воплем потребовал пищи. Надо добраться до кухни, пока он сам себя есть не начал. До кухни шла, сильно пошатываясь, но ускорила, увидев бутылку с водой на столе.

В холодильнике обнаружились консервированная ветчина, сыр и еще пара полуфабрикатов. Я их даже разогревать не стала. Разорвав упаковку, голодной волчицей набросилась на еду, запивая водой, даже пот пробил от усердия. Быстро насытившись и чувствуя, что желудок скоро лопнет от переедания, решила полежать, но тут взглядом наткнулась на часы. Вспышка воспоминаний – и я медленно опускаюсь на стул позади себя.

Я пролежала в беспмятстве три дня; печально, но одновременно это означает, что я победила болезнь и приобрела иммунитет. Теперь мне ничего не страшно. Все еще не придя в себя от потрясения, добралась до дивана, прихватила плед и, накрывшись с головой, тут же уснула, но уже без сновидений и кошмаров. На кровать, изгвазданную непонятно чем, лечь не отважилась.

Снова пробуждение, но уже более привычное и в полном сознании. Полежала несколько долгих минут, вспоминая обо всем, причем очень тщательно, не упуская даже малейших деталей. Для меня это очень важно – помнить.

Дотянулась до журнального столика и, подхватив пульт от телевизора, включила. Все больше недоумевая, переключала каналы, но на экране лишь тишина и серая рябь, не предвещающие ничего хорошего. Наконец столичный городской канал обрадовал голубым экраном и знакомым лицом диктора. Но уже через мгновение я поняла: это единственное, что меня может обрадовать.

Небритый усталый диктор в потрепанном костюме сидел за знакомой каждому телезрителю стойкой в расслабленной или скорее обреченной позе и сообщал страшные факты:

– ...Дорград, Цветауст, Радужный, Гавр и практически все города Россины пали ниц перед вирусом. Все еще поступают редкие сообщения от местных властей прямо нам в студию, но все твердят об одном: выживших не более двух процентов, и это в лучшем случае. Мы

с оператором Корве будем вести эту передачу, пока в состоянии стоять на ногах. Граждане, сообщайте новости, возможно, кому-то в будущем это спасет жизнь. Москана умирает, запах смерти достигает даже десятого этажа, на котором расположена наша студия. Еще вчера нам сообщили: Арабекса больше не существует, Бинидос, Анжун, Венар, Тбилан, Эстон тоже... Из Маракона вчера еще поступали редкие сообщения, в которых говорилось, что страна завалена погибшими, границы открыты, а редкие островки, изолированные от заболевших войсками, тоже постигла участь остального населения. Пандемия настигла и их. Теперь Маракон молчит, впрочем, как и остальные... – диктор устало потер лицо, прямо в эфире выпил из бутылки воды и с тревогой спросил, скорее всего, оператора: – Дим, ты как себя чувствуешь? – Ему ответил хрипловатый бас: «Пока терпимо, но чувствую – ненадолго...»

Я хлебнула воды, подавилась и заплакала. Значит, и туда добрался вирус; ниточка, которая связывает меня с миром, скоро оборвется. Диктор потер лоб, а затем и все лицо обеими ладонями. Потом продолжил говорить, снова глядя на камеру:

– Большая часть крупных городов Россины горит. Из-за невыключенных бытовых электроприборов загорелись жилые кварталы... целые заводы полыхают... Некому тушить, и огонь уничтожает всё на своем пути. Из окна в раздевалке нашей студии видно, как горит столица, смог стоит страшный, но пока работают кондиционеры... Хотя я уверен, скоро отключится электричество, вода и все блага цивилизации исчезнут. Граждане, сейчас нас спасет только понимание того, что мы все в одной лодке. Я прошу вас забыть о распрях, мы все вымираем, так давайте хоть сейчас позаботимся друг о друге... – Камера поехала куда-то в сторону, а потом я услышала встревоженный крик ведущего и грохот. Голос диктора за кадром: – Корве? Корве, мать твою, не смей помирать, я тебя очень прошу...

Через мгновение экран погас, и, казалось, серая рябь заполнила все пространство, рождая во мне жуткое ощущение нереальности происходящего. Как сомнамбула, потыкала кнопки, листая плейлист, потом бездумно посидела еще немного, поела, с сожалением отметив, что еды осталось на один прием, не более, и подошла к окну.

Пустынная улица, брошенные с открытыми дверями машины и труповозка посреди дороги. Двое мужчин в серых спецовках и поблескивавшем магическом коконе защиты загружали человеческое тело в кузов закрытого грузовичка. Подобные машины, специально оборудованные для перевозки трупов, раньше мне встречались нечасто и вызывали печаль и безотчетный страх, зато сейчас, увидев, как мужчины собирают погибших, стало странно легко и спокойно. Хоть кто-то жив и не бросает мертвых непогребенными...

Взгляд привлекли несколько черных столбов дыма в разных частях города. Три из них – от печей крематориев, еще два, похоже, на кирпичном заводе, наверное, тамошние печи тоже используются для этого жуткого дела...

Снова смотрю на мужчин: они с трудом, морщась, пытаются вытащить здорового толстого мужика из машины. Труп ооченел, и им непросто. Проверила свой резерв и, убедившись, что болезнь не навредила моей магии, послала силовой импульс, помогая мужчинам. Они отшатнулись, стоило труп самому покинуть машину и переместиться по воздуху в кузов. Мужчины пристально огляделись по сторонам. Заметив меня, прилипшую к окну, они коротко, благодарно кивнули. Но отпускать мой взгляд не спешили, приглашающе помахав руками и показывая в сторону моего дома. Кивнула.

Вышла на балкон и поняла, чего они от меня хотят. Стало плохо, жутко плохо, захотелось завывать и побиться головой об стенку. Я живу на третьем этаже, поэтому было хорошо видно целую гору моих бывших соседей, некоторых я знала в лицо. Сейчас все они были мертвы.

– Помогите их погрузить в кузов... – просьба мужчины отвлекла от тоски и отчаяния. – Это поможет и им обрести покой, и нам... очистить совесть и город...

Я вскинула взгляд и лишь кивнула. Затем, спохватившись, прохрипела:

– Я рада, что еще остались такие, как вы... хоть кто-то остался... Благодарна вам от них и от себя.

Оба мужчины криво усмехнулись, и столько печали было в их глазах и лицах...

Вновь применила магию и осторожно погрузила всех в кузов. Пока один из них закрывал створки, второй, еще раз внимательно меня оглядев, предложил:

– Может, хоть пару дней с нами покатаетесь, с вашей магией мы бы лучше и быстрее справлялись, а то с каждым днем все хуже и хуже становится... – Я кивнула, соглашаясь, мужчина представился. – Доктор Травин, а это мой коллега доктор Пуш, мы оба патологоанатомы, но сейчас в нашей специальности нет смысла, так хоть по-другому поможем... Оба обладаем лишь магией исцеления, немногим выше среднего уровня, но сами понимаете, здесь как раз ваша бытовая и нужна, а то силы не безграничны. Мы подадим звуковой сигнал, как подъедем завтра...

Я вновь кивнула, забыв представиться, просто чувствовала, что дико устала, поэтому, вяло махнув рукой, вернулась в комнату. Снова хотелось спать, и я не стала противиться.

Новое утро. Ровно пять дней прошло с того момента, как я заразилась, и второй день, как я очнулась, выжив. Пока ощущала себя физически слабой, как ребенок, но, обнаружив все еще идущую из крана воду в ванной, решила помыться. Хотя, как только взглянула на себя в зеркало, взвыла от страха и жалости к себе и пережила непередаваемые ощущения.

В первый момент показалось, что это зомби глядит на меня из фильма ужасов: кожа с сухими лохмотьями, через которые проступает голубовато-розовая, новая, фиолетовые круги под глазами – отвратительные последствия пережитой лихорадки. Больные и тусклые светлогриазные глаза и осиное гнездо на голове. Я попыталась расчесать волосы, но уже через минуту поняла, что это сделать нереально.

Работая ножницами, я не плакала, хоть и любила свои роскошные шоколадные волосы. Слишком многое, что я любила, исчезло или погибло, а вот волосы отрастут заново. Встряхнула головой, испытывая странное ощущение легкости и чувствуя каждый шевельнувшийся волосок на голове. Собрала отстриженные грязные колтуны и выкинула без сожалений.

Сначала посидела в ванной, отмачивая кожу в теплой воде, а потом осторожно вымылась, чувствуя, как вместе со старой кожей смывается моя прежняя жизнь. Я даже не заплакала, когда приняла решение, что любимых и близких людей никогда не забуду, но раз высшие силы помогли мне выжить, значит, буду жить по полной, не оглядываясь на прошлое.

Я уже позавтракала и оделась в легкий джемпер и джинсы, когда услышала гудок на улице. Выглянула в окно – мне помахали руками Пуш и Травин. Вдохнув, набираясь смелости, я открыла входную дверь и шагнула в подъезд. Вздрыгнула, когда уловила запах тлена, поэтому тут же активировала защитную маску.

Мужчины встретили меня внимательными взглядами, не пропустив моей пятнистой шелушащейся кожи, стриженных рваными, неровными прядями волос, обрамлявших голову в виде шоколадного цвета шапочки. И синяки под глазами, похоже, не укрылись от их внимания, но они с улыбкой кивнули, поздоровавшись. Я же запоздало представилась, залезая за ними в тесную кабину грузовичка.

Два дня я моталась с врачами по улицам, мы собирали трупы, складывая их в кузов грузовичка, и развозили по крематориям. Но нам все реже попадались живые; пару раз мне повезло, что я была с мужчинами-магами. На нас нападали те, кто пережил болезнь, но либо потерял память и сейчас действовал сообразно животным инстинктам, быстро скрываясь, только увидев нас, либо сумасшедшие, которым лихорадка повредила мозг. Эти как раз не прятались – нападали, и каждый из них действовал по-своему. Нарваться на таких страшнее всего. Но ко всему, оказывается, можно привыкнуть и приспособиться. А еще маги, оценив мое плачевное состояние, лечили меня, помогая восстанавливаться.

* * *

Я шла по улочке вдоль трехэтажных миленьких домов с зелеными крышами. Мы добрались до квартала, в котором проживали исключительно полиморфы, а они многоэтажные здания не любили.

Внимание привлек настойчивый лай собаки, судя по хриловатому баску, довольно крупной. Внимательно осмотрелась и с левой стороны на одном из балконов, забранном решеткой, заметила морду и передние лапы овчарки. Она лаяла, глядя на меня, и кидалась на прутья, но стало понятно, что собака старается привлечь внимание – такая в глазах тоска и мольба. Я не выдержала и подошла к балкону.

С обычными решетками, которыми пользовались исключительно полиморфы и хавшики, презиравшие магические, я не смогу справиться. Подтянулась за прутья повыше и заглянула в проем балконной двери, ведущей в гостиную. Сначала на меня пахло смрадом разложения, а потом, испугав меня, прямо передо мной подпрыгнул пес. Шлепнувшись на попу, поморщилась; в этот момент собака тоскливо завывала, потеряв меня из виду. Я осмотрела дом и, прикинув расположение квартиры, с опаской пошла в подъезд. Мои спутники сейчас зачищали дом за углом, а я случайно зашла в этот переулочек и сейчас была настороже – мало ли что.

Остановившись перед нужной дверью, постучала, секундное молчание – а потом услышала громкий лай и скрежет лап пса, настойчиво стремящегося на свободу. Воспользовалась бытовой магией, сняла дверь с петель и отставила в сторону – раньше за это можно было бы сразу в тюрьму угодить, а сейчас я спасаю жизнь собаке.

За дверью обнаружила ребенка – девочку, скрючившуюся на коврике. На труп она была не похожа, но, по всем признакам, больная. Запах тлена мешал разумно мыслить, и я вновь активировала маску, после посмотрела еще раз на девочку и пса. Он улегся рядом с ребенком, внимательно глядя на меня в ожидании, даже жалостно подвывал, явно взывая о помощи.

Тут же валялись большая распотрошенная пачка собачьей еды и перевернутая миска. Я присела рядом и осторожно протянула руку в попытке нащупать пульс на шее девочки. Не сразу почувствовала ровное, но слабое биение ее сердечка. Осознав, что она жива, чуть снова не расплакалась, только уже от счастья. Малышка лежала в грязных трусиках и маечке, ей было не больше семи-восьми лет, а может, и меньше – полиморфы чуть медленнее взрослеют.

С тяжелым сердцем я прошла внутрь квартиры, бросив извиняющийся взгляд на кобеля. В гостиной никого нет; немного пошарив по шкафчикам, нашла документы. Забрала с собой, засунув в задний карман джинсов, затем обошла всю квартиру, обнаружив в спальне мертвых родителей девочки. Едва мазнув по трупам взглядом, чтобы не запомнить их такими, активировала заклинание левитации и вернулась в прихожую. Там осторожно подняла девочку на руки и вышла на улицу. Жуткий груз плыл за мной до самого грузовичка, куда я его и направила. Кремация лучше, чем неупокоенные и вечно скитающиеся души – надо освобождать их от брэнного тела.

Пуш и Травин встретили нас молчанием, но, осмотрев девочку, заявили:

– Сильное обезвоживание и долгое голодание. Хотя полиморфы живучие, и, возможно, это поможет ей выжить.

– Ты оставишь ее себе?

Заглянув в печальные глаза псины, мысленно пообещала ему, что она справится, а я помогу. Мужчинам ответила коротко:

– Она ребенок! И теперь моя.

Мне ответили понимающей улыбкой.

– За эту неделю все меньше и меньше живых встречаем, зато все больше трупов находим, – Травин говорил с горечью, страхом и печалью в голосе, – боюсь, такими темпами в луч-

шем случае эта обещанная пара процентов выживших и останется... Если уже не осталась! Я рад, что ты нашла переболевшую и живую, а не... Вам дальнейшую жизнь налаживать нужно, а мы пока мертвым поможем. Сколько судьба отмерила...

Я с тревогой посмотрела на мужчин, отмечая воспаленные от недосыпа глаза, небритые осунувшиеся лица. Потом в отчаянии спросила:

– Вы не переболели?

Оба, хмыкнув, отрицательно покачали головами:

– Если мы не приедем... как-нибудь, не жди...

– Но...

– Слишком маленькая вероятность.

– Но...

– Хорошо, три дня, как ты и сказала, потом я считаю, вам нужно будет искать другое место для проживания. Погода еще холодная, но если резко потеплеет или начнется жара, то город превратится в рассадник заразы. Сама понимаешь: крысы, насекомые... запах разложения, голодные животные... и не только животные...

Я только кивнула головой, в ужасе все это представляя и уже страхась остаться одной, без этих мужчин.

– Эта наш долг, Кира, надо очистить город хоть немного, и пока у нас есть время...

Они сначала помогли найти магазин с продуктами и запастись ими, а затем отвезли домой и только после этого уехали, пообещав утром навестить. Но мы решили, что завтра я посижу с девочкой, а не буду мотаться по городу и крематориям. Из-за их дыма над Тюбрином уже скапливался смог, и темные клубы дыма еще больше нагнетали уныние, превращая небо над городом в скорбный черный саван.

Остаток дня я поила девочку водой, потом сварила ей легкий суп-пюре и с трудом накормила, затем вымыла до блеска новой розовой кожицы и уложила рядом с собой. Она все еще была без сознания, а я гадала, какие у нее могут быть последствия перенесенного заболевания. Лохматого парня – пока без имени – тоже помыла, чтобы вытравить из его шерсти запах тлена, и накормила.

Сначала отключился свет, а потом я услышала глухой гул труб, в которых закончилась вода, и, наконец, шипение, которое наждаком прошло по нервам и сознанию. Ведь это означало исчезновение последних примет цивилизации и мало-мальской защищенности, так мне казалось...

А при свете луны, после бесплодных попыток заснуть, рассматривая девочку и пса, впервые за последние несколько месяцев ощутила себя спокойной и умиротворенной. Теперь у меня есть новая семья, и я не дам ее в обиду. Тихонько встала, стараясь не шуметь, и прошла в гостиную, где бросила свои штаны. Вытащив документы, просмотрела все страницы, запоминая имена и даты. А главное, выяснила, как зовут девочку.

Мою приемную дочь зовут Елизаветой Шишкиной, ей восемь лет, она полиморф из семейства лисьих. Я даже улыбнулась, сократив имя девочки до Лисаветы. Пару минут вглядывалась в лица ее родителей, представляя, как она будет выглядеть, повзрослев, на кого больше похожа. Показалось, на отца все же больше. Наверное, была папина любимая доча, все их жилище завалено разными игрушками...

В гостиную прокрался пес и, неуверенно заглядывая в глаза, осторожно положил голову мне на колени. Потрепала его за ушами, чувствуя, как в душу закрадывается щемящая нежность к этому лохматому четвероногому другу. Ведь он не себя спасал, привлекая мое внимание, а свою маленькую хозяйку.

– Давай познакомимся, меня зовут Кира. – Я пожала огромную лапу. – А как твое имя? Джек? – Молчание. – Пират?

Снова молчание, а я начала перебирать все клички собак, которые мне только в голову приходили, а пес подsunул голову под мою руку и преданно посмотрел на меня. Через час мы добрались до обычных мужских имен, и я наобум ляпнула:

– Ну не Федор же ты какой-нибудь?

– Гав-гав! – радостно согласился... Федор.

– Обалдеть! Вот это фантазия у народа!

– Р-р-р-р!

– Да ладно тебе, я же не обидно... только удивлена. Так значит, ты Федор, Федя, Фед...

– Гав-гав!

– Ага, Фед тебя устраивает, ну ладно, хорошо хоть с именами разобрались. Пошли-ка спать, Фед, утро вечера мудренее.

* * *

Меня разбудило шевеление под боком, а потом хриплый робкий голос:

– Мама?

От этого вопроса меня даже подбросило. Распахнув глаза, села и уставилась на девочку, которая недоуменно тарасилась испуганными глазенками и спросила:

– Мама?

Я застыла, вымученно улыбаясь и гадая, что же сказать или сделать. Мне помог Фед, который прыгнул на кровать, ползком подобрался к Лисавете и положил ей на колени голову. Она инстинктивно обняла его, а потом вспомнила и прошептала:

– Фед! Мой друг Фед!

– Ты помнишь что-нибудь, родная?

Она качнула головой, наморщив лоб, силясь вспомнить что-нибудь, а потом ответила:

– Только Феда... но ты же моя мама? А папа...

– Папы нет, солнышко, он... с ангелочками на небе... и мама тоже там. Но я теперь твоя новая мама и никому не дам в обиду. Меня Кира зовут, и я знаю, что тебя зовут Елизавета или Лиза. Ты не против, если я буду твоей мамой?

Не решилась я обмануть ребенка и сказать, что я ее родная мать. Она вспомнила Феда, может вспомнить со временем, что у нее была другая семья. Именно по этой причине я пошла по другому пути. В ее глазах появились слезы, но так и не пролились, она только кивнула и неожиданно быстро после страшной болезни кинулась ко мне на руки и обняла, повиснув на шее.

Таким вот образом мы провалялись еще часок, пока я гладила ее по спинке, успокаивая, но дела не ждали.

– Пойдем готовить кушать, тебе надо много есть и пить воду...

Конечно, на кухню я пошла с Лисой на руках, с трепетом и удовольствием ощущая доверчиво обнимающие меня детские ручки. Пушистые после помывки смешные золотистые кудряшки приятно щекотали мой нос, а ясные зеленые глазки бередили душу.

В этот день Пуш и Травин не приехали, спустя еще четыре дня я смирилась с их потерей и начала прорабатывать план нашей дальнейшей жизни.

* * *

20 мая

Проснулась рано, у меня появился четкий план действий, и подсознательно я спешила его реализовать. Сначала надо проверить состояние моей машины и вообще выяснить, где я ее бросила в том полубредовом состоянии, в котором находилась, когда вернулась из Гавра.

Выйдя из подъезда, сильно удивилась – довольно теплым майским днем идет снег. Необычайно серый и пушистый. Тяжелые свинцовые тучи нависают слишком низко, но дует приятный ветер, шевеля мои все еще непривычно короткие волосы. А на голову падает странно нехолодный снег.

Вытерла лицо и глянула на свои пальцы: осознание, что это за «снег», заставило похолодеть все внутри. Я снова приподняла лицо, вглядываясь вдаль. Страшные, жуткие осадки... Крематории все еще работают, выпуская в небо черные столбы дыма, а помимо них горят дома, а еще я заметила маслянистый столб черноты, уходящий в небо от нефтеперерабатывающего завода.

Слишком много горит и слишком многие...

А с неба, медленно кружась, падают пушистые хлопья пепла, покрывая этой жуткой тоскливой серостью все вокруг: крыши домов, стирая цветовые различия, машины, стыдливо прикрывая достижения технического прогресса, улицы и деревья, укрывая от всеобщего запустения и недавнего хаоса. Для них, возможно, это будет полезно. Укрыли они и меня, и, может быть, кого-то еще из тех, кто сумел выжить; но что ждет этих выживших дальше, не будут ли живые завидовать мертвым...

Еще минуту постояла на ветру, наблюдая, как пепел кружится в погребальном танце по ушедшей цивилизации.

Мотнула головой, стряхивая с себя, возможно, чей-то прах, поспешила к своей машине и, проверив магический накопитель, порадовалась, что он заполнен наполовину. Подогнала ее к самому подъезду и, пока Лиза спала, перетаскала все самое необходимое на первое время из квартиры. Как правильно заметили Травин с Пушем, в городе нам оставаться больше нечего.

* * *

– Лис, будь осторожнее и все время держись рядом.

– Хорошо, тут так страшно. А игрушки мы возьмем?

– Обязательно, лисичка, возьми маленькую тележку и набирай туда разные игрушки и книжки, да все, что захочешь...

– А у нас много денег?

– Хм-м-м, знаешь, Лис, можно не экономить!

– Ура-а-а! – девочка, забыв о страхе, рванула к детской тележке и начала складывать туда коробки и игрушки, бегая по проходам.

– Фед, следи за Лизой, я – за одеждой.

В «Детском мире» освещения не было, но дневной свет, проникающий в огромные окна, позволял все неплохо видеть. Необычное зрелище пустых и тихих проходов именно в этом магазине опять резануло по нервам, но делать нечего – надо следовать своему плану. Я начала методично складывать детские вещи в корзину, любые – всё пригодится в будущем. Причем на вырост. Бросив внимательный взгляд на дочь с Федом, покатила переполненную тележку на выход к машине.

Утром, сверившись с планом, приступила к его реализации. В первую очередь грузу детские вещи и питание. Часть своего скарба я уже перевезла в Васино еще до второй волны и практически жила за городом, а вот для Лизы там нет ничего.

Забив магмобиль под завязку одеждой на все сезоны, обувью и игрушками, позвала девочку и psa, и мы поехали в наш новый дом. По дороге все же пришлось остановиться и поискать магазин, где еще оставались продукты, и пополнить запасы.

«Кешар» плавно скользил по пустынным улицам, кое-где нам приходилось объезжать заставленные бесхозными машинами участки дорог, но пока мы лишь пару раз замечали одинокие фигуры людей. Почему-то все они стремились спрятаться при появлении моей машины, и это настораживало.

Выскочив из города, понеслись по трассе в сторону Васина. Аккуратно свернув с главной дороги на второстепенную, рванули по грунтовке, но, проехав часть лесного массива и вывернув к деревне, я в ужасе притормозила, а потом поехала медленно, чувствуя, как по щеке ползет одинокая слеза.

Всюду, куда хватало глаз, торчали почерневшие стены домов, обгоревшие заборы и кучи хлама. Деревни Васино больше не существовало, ее сожгли дотла, видимо, специально, возможно, выжигая сразу таким способом.

Добрались до кладбищенского пригорка, и я вновь ужаснулась – столько небольших свежих холмиков появилось. Фед с Лизой сидели на заднем сидении и испуганно молчали, а я с трудом сдерживала слезы. За три года слишком многих здесь узнала лично.

Наконец мы перевалили холм, засаженный картофелем, и я увидела знакомые заборы нашего кооператива.

Огромный дом на пригорке, где жил бывший глава совета Тюбрино, тоже сожгли. В итоге шесть домов спрятались за своими заборами и моя крепость тоже. Мы заехали во двор и замерли все втроем.

– Дочь, это теперь наш новый дом, сейчас выберешь себе комнату, и она будет твоя. Фед, тебе мы организуем спальное место, у меня на примете есть потрепанная шкура медведя... – ой, может он из солидарности с тем зверем на ней спать не захочет. – Ты сам выберешь, где спать будешь... но это наш дом. Охранять!

Час мы разбирали вещи и переносили их из машины. Попав в эту, не стыдно сказать, маленькую крепость, я сразу почувствовала себя увереннее и спокойнее. Вспомнился Сава, причем очень добрыми словами. Но я отложила ностальгию, об этом я подумаю завтра...

Я ходила по двум участкам и делала пометки в блокноте, записывая все вопросы, которые надо будет решить до зимы, и вообще требовавшие пристального внимания. В первую очередь я вооружилась. Из того тайника, который организовал Сава.

Потом мы пообедали и решили съездить на ферму, выяснить, остался ли там кто живой.

Нас встретило тоскливое мычание коров, блянье, и хрюканье, и квохтанье. Заехав в стальные ворота, с невероятным облегчением заметила Михалыча, который на погрузчике вез сено. Завидев нашу машину, резко остановился и, сорвавшись с места, поковылял к нам – все же солидный возраст сказывался на старом хавшике.

Мы тоже вышли из машины, я предупредила Феда, что Михалыч – наш друг, а потом мы крепко обнялись с дедом.

– Девочка моя, как я рад тебя видеть! Благодарю Триединого за то, что он уберет тебя... И подарил... дочь?

Он пристально разглядывал Лизу, а она пряталась за мной и Федом, который настороженно следил за незнакомцем. Я улыбнулась и кивнула, соглашаясь, – знаю, как хавшик трепетно относится к детям. Ему самому еще лет двести назад сказали, что он детей никогда произвести на свет не сможет. Он старался не говорить на эту тему, но было видно, как его это печалит. Обычно хавшики жили своеобразными родами, где все друг другу были родственниками по одной линии.

Людям такой образ жизни чужд, они не понимают и часто насмеваются над семьями хавшиков, говоря: «Собралась куча мужиков, которые детей рожают и живут вместе». Менталитет и жизнеустройство хавшиков понять и принять могут немногие, но тем не менее все уживались, и со временем семьи хавшиков расселились по всему ЕвроАзесу, ассимилируя и перенимая многие традиции и культуру магов и полиморфов.

Но Михалыч так и жил одиночкой.

– Ее зовут Елизавета, а нашего друга – Федором, но для друзей – Фед! – представила я своих подопечных с веселой улыбкой, и Лиза осмелела, кивнув мужчине.

Из ворот основного здания вышел Семен Прыткин. В агрокомплексе он не работал, был фермером и имел большую семью. Относится к тем, кто лишь чувствует магию, но при этом не считает себя хуже других. Хороший молодой крепкий мужик пятидесяти лет от роду. Его лицо осветилось радостью, стоило ему увидеть нас, но скорбные морщинки вокруг рта и тусклые глаза подсказали: он пережил личную трагедию.

– Привет, Кира! Рад, что ты выжила. Лишние руки нам тут явно не помешают...

– Здравствуй, Семен! Как семья?

Мужчина потемнел. Он был женат на очень доброй, сердечной женщине, и у них росло уже трое детей. Их брак считался ранним по общим стандартам, но учитывая, что люди без магии живут до ста пятидесяти, для них самое то.

– Моя Марта жива и наша дочь Людмила тоже, а Васька и Тимоха... Марта сейчас немного не в себе от горя, но хоть память не потеряла и разум... Как некоторые... Вон ваш сосед с пригорка, наш глава бывший... Так он переболел и... перебил всю семью, мы его за каннибализмом застали... Сожгли мы их всех... Батюшка, пока сам не помер, ходил землю освящал... всюду. Его утречком похоронили, классный был мужик, даже не знаю, как теперь без прихода и священника будем? Кто браки освящать будет, похороны проводить, наставления делать и душу очищать?

Мы все потускнели. Несмотря на разность культур, мышления и много чего, все верили в Триединого. Каждый надеялся попасть в его светлый дом под названием Рай. Все боялись попасть в немилость и остаться без его дарующей прощение и заботу длани, остаться наедине со своими грехами и чернотой Ада – так называли жуткое место, где царит пустота и безвременье отчаяния. Даже комету, которая чуть не погубила планету, тоже называли именем ада – Адос. Хотя среди рас встречаются верования и в другие высшие силы. Я, например, почитаю Силу, но в Триединого верили все без исключений и без оговорок.

– Священник – лишь проводник, а Триединый всегда с нами, – убежденно заметил Михалыч. – Так что найдем проводника нового... со временем. Храм-то вон стоит, надо только после прибраться там да начать службы...

– На все Васино теперь девять душ, среди них три бабы... – перебил хавшика Семен. – Животина мучается, вон их сотни голодных, недоеных... Поля засеяны, а кто о них позаботится... Работать надобно, Михалыч, а службы зимой служить станем. Сейчас-то что делать будем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.